

СОДЕРЖАНИЕ

Первые банды Республики Советов	7
Преступления времен Великой Отечественной	32
Борьба за власть в правительстве СССР. Банды 50-х	42
Начало теневой экономики	61
«Мосгаз» и первые террористические акты	71
Антимилицейские восстания	84
Становление советского рэкета	93
Дело Глода	101
Гении преступного мира	104
Вооруженные ограбления 70-х	119
Слияние властных структур с преступными группировками	127
Преступления хозяйственников и местных властей	135
Молодежные банды. Стервятники на дорогах	144
Маньяки	156
Акты терроризма 70-х	163
Ограбление квартиры А. Толстого	175
«Перестройка» воров в законе. Загадочные смерти высокопоставленных деятелей	179
Оборотни	184
Борьба КГБ с МВД	188
Чеченская, автомобильная, торговая мафии	207
Чистки государственных и партийных структур	212
Банда похитителей орденов	218
Андропов и Черненко	223
«Хлопковое» и другие дела	227
Самоубийство Н. Щелокова и судьба семьи Гоглидзе	230
Сексуальный маньяк из Иркутска	236
Гибель актера Талгата Нигматулина	239
Нападения на инкассаторов	245
Приход к власти М. Горбачева	247
Каннибалы, Михасевич и другие	257
«Волгоградское дело» и должностные преступления	264
Проституция и наркомания	269

Вооруженный налет у магазина «Молодежный»	276
Арест Ю. Чурбанова	281
«Любера»	284
От убийств до киднеппинга	288
Закон о кооперации и бандиты	295
Лев прыгнул	303
Банда Можаяева и братья Овечкины	311
Захват в Орджоникидзе	321
Убийство Свинтковского. Маньяк Фефилов	326
Бой с тенью	330
Банда Колчина. Маньяки 1989-го	337
Операция «Капкан»	351
Русская мафия	357
Побег в Москве. Побег в Якутии	365
Кража века в Шереметьеве. Убийство А. Меня	370
Бандитские войны. Осень 1990-го	375
Борьба за власть. Снятие В. Бакатина	380
Арест Чикатило и других	394
Убийство в Калуге	402
Вторая бандитская война	408
Молодые «волки»	414
Бойня в Медининкае	420
Случай в Щербинке	426
Тюремные бунты	434
Убийство И. Талькова	441
Вокруг чеченских событий	444
Последние дни СССР	453
Наркомафия	468
Последние маньяки 1991 года	473
Угон века	477
Литература	479

ПЕРВЫЕ БАНДЫ РЕСПУБЛИКИ СОВЕТОВ

Ограбление Патриаршей ризницы. Банда Сабана, Кошелькова, Вани Белки и др. Ленька Пантелеев. Банда Котова. «Веер дьявола» Мишки Культияного. Кража из Музея им. А. С. Пушкина

Ушедшая в небытие в феврале 1917 года великая царская Россия оставила новым правителям довольно пестрый и профессиональный уголовный мир. Но лучшее, что смогла сделать новая демократическая власть с этим миром, это тут же объявить ему в марте 17-го года всеобщую амнистию. После нее тысячи уголовников заполнили Россию от края и до края, и той же весной преступность в стране сделала небывалый скачок. Если весной 1916 года в Москве было совершено 3618 преступлений, то в тот же период 17-го — свыше 20 тысяч. Если в 1913 году в Москве в день поступало до 20 заявлений о крупных кражах, то с весны 1917 года — больше сотни. То же самое происходило и с убийствами. В том же 1913-м из каждых ста осужденных менее всего убийц оказывалось в Москве.

В 1913 году в Швейцарии на Международном криминалистическом конгрессе Московская сыскная полиция (ее тогда возглавлял Аркадий Францевич Кошко) была признана лучшей в мире. Раскрываемость преступлений в Москве составляла 52 %. А ведь до прихода в московскую сыскную полицию А. Кошко (май 1908 г.) дела обстояли крайне скверно. Ее начальник был уличен во взятках и полном развале сыскного дела. Прошло всего пять лет, и московские сыщики обогнали своих коллег из Санкт-Петербурга и достойно представили Россию на конгрессе в Швейцарии.

После февраля 17-го убийства в Белокаменной выросли в 10 раз, а раскрываемость их равнялась практически нулю. Можно сказать, что кровавая бойня на фронте дала жестокие уроки убийств, грабежей и насилия миллионам людей. И вот тогда россияне, стеная и плача под бандитскими ножами и обрезам, призвали к власти партию порядка — большевиков. Так произошла Великая Октябрьская революция.

Большевики, не обремененные никакими буржуазными привычками типа «суда присяжных» или «презумпции невиновности» и приравняв любое уголовное преступление к категории политического, железной рукой принялись наводить порядок в стране. 28 октября (10 ноября) 1917 года была создана советская милиция. 20 декабря того же года появляется ВЧК.

Первым заведующим Управлением милиции НКВД РСФСР, а затем начальником Главного управления милиции стал большевик с 1912 года Андрей Дижбит. При нем Главное управление состояло из пяти отделов: общего (наружная служба и контроль за порядком на улицах), инструкторского, снабжения, информационного и культурно-просветительного. Уголовный розыск тогда находился в ведении Народного комиссариата юстиции. Правда, уже при Дижбите по его настоянию перед правительством был поставлен вопрос об объединении сил в руках Наркомата внутренних дел. Вскоре уголовный розыск перешел в ведение НКВД. Случилось это в октябре 18-го. До Октябрьской революции в преступном мире России существовали четыре устойчивые касты уголовников: «Иваны», «храпы», «игроки» и «шпанка». «Иванами» звали себя те, кто занимался грабежами, кто всегда стремился к лидерству и вел себя достаточно агрессивно по отношению к другим заключенным. «Храпы» были любителями загребать жар чужими руками, их благосостояние базировалось на активном обмане своих же товарищей по заключению. «Игроками» назывались карточные и иные шулера, самые интеллигентные и образованные люди в преступной среде. И, наконец, четвертая каста — «шпанка» — представляла собой низшее сословие заключенных, всеми презираемое и гонимое.

Октябрьская революция и гражданская война заметно пополнили армию уголовных преступников России за счет представителей мелкой буржуазии, анархистов и проигравших войну белогвардейцев. И все же первый эшелон этой многочисленной армии составляли тогда преступники с давним, еще дореволюционным уголовным прошлым. «Иваны», объединявшиеся в банды, буквально терроризировали население не только мелких провинциальных городов, но и таких, как Москва и Петроград. Поэтому неопределимую услугу молодой советской правоохранительной системе могли бы оказать в борьбе с разнузданным бандитизмом старые специалисты, асы царского сыска. Когда в январе 1918 года из Патриаршей ризницы Московского Кремля преступники похитили изумруды, сапфиры, редкие бриллианты, Евангелие 1648 года в золотом окладе с бриллиантами, Евангелие XII века, золотую чашу весом 34 фунта и много других ценностей на общую сумму 30 миллионов рублей, огромную помощь в поимке преступников московским сыщикам оказал Иван Свитнев из Саратова, до февраля 1917 года служивший надзирателем саратовского сысканого отделения.

Как было установлено в ходе предварительного следствия, преступники проникли в ризницу через окно со стороны Царь-колокола. Никаких особенных зацепок, по которым можно было бы определить личность преступников, на месте преступления найдено не было. Перед совершенно не обученными сыщиками МУРа встала трудная задача: в хаосе тех лет найти и задержать преступников.

Первое, что сделали сыщики, — установили контроль за всеми рынками сбыта антиквариата в Москве. Судя по всему, преступники совершали ограбление с единственной целью — нажиться, поэтому они должны были попытаться продать похищенное как можно быстрее. К тому же они явно не придавали серьезного значения сыскным подразделениям новой власти, считая, что царским сыщикам равноценной замены все равно нет. На этом, собственно, они и прокололись.

Первую партию украденных драгоценностей преступники решили продать в далеком от Москвы Саратове. Действовали они при этом не особенно осторожно — отдали золотые украшения двум перекупщикам и договорились, что ровно через три дня в ресторане «Товарищество» встретятся для получения денег. Однако перекупщики сразу попали в поле зрения местной милиции, которая почти в каждой гостинице или ресторане имела своих негласных агентов. Один из них и заметил 12 марта 1918 года мужчину и женщину, которые с рук предлагали людям купить у них драгоценности. Буквально через час после этого оба торговца были задержаны и доставлены к заместителю начальника саратовской милиции Ивану Свитневу.

Свитнев спросил у задержанных, откуда у них эти драгоценности. Те ответили, что получили их из рук некоего Самарина, которого до этого никогда не видели. Мол, наше дело маленькое, мы должны были только продать «камешки» и взять себе определенный процент со сделки. А львиную долю должны были через три дня передать Самарину.

Свитнев прекрасно понимал, что ждать три дня бессмысленно. Этот Самарин вполне мог узнать об аресте перекупщиков и скрыться из города. Однако как его найти, не имея почти никаких примет личности, кроме тех, что описали перекупщики? А их показания были весьма расплывчаты. И тогда на помощь Свитневу пришел его прошлый сыскной опыт.

Он внезапно вспомнил, что года три назад в Саратов из Москвы приезжал известный вор Константин Полежаев, который купил себе часть дома № 6 на Рождественской улице и прописался там под фамилией Самарин. Может быть, это

было обычным совпадением, однако Свитнев решил все-таки проверить. В тот же день с группой своих людей он приехал на Рождественскую улицу.

Никаких особенных улик против Самарина не было, однако Свитнев действовал решительно. Прямо с порога он заявил, что хозяин дома подозревается в торговле драгоценностями. Свитнев предложил ему добровольно выдать их милиции. Самарин ответил отказом. И тогда в его доме был произведен обыск, который привел к неожиданному результату.

Во время обыска было обнаружено несколько килограммов золотых украшений, драгоценности, изуродованные чаши и другая церковная утварь.

Как правильно понял Свитнев, все это было явно похищено из какого-то церковного хранилища. На первом же допросе он спросил об этом Полежаева-Самарина, и тот признался, что похитил эти вещи в Патриаршей ризнице в Москве. Причем он настаивал, что действовал один. Однако в этой настойчивости он явно переусердствовал, и Свитнев сразу заподозрил неладное. Но допросить задержанного во второй раз он так и не успел: той же ночью Полежаев-Самарин повесился в камере. И тогда Свитнев отправился в Москву.

Как выяснилось в Москве, ушедший в мир иной Константин Полежаев принадлежал к преступному клану семейства Полежаевых. Его отец и мать были скупщиками краденого, а три родных брата — профессиональными ворами. Одного из них, Александра, убили при попытке бегства из тюрьмы, однако остальные двое были живы-здоровы и, вполне вероятно, могли участвовать в ограблении ризницы.

В ходе дальнейших поисков выяснилось, что отец и мать Полежаевы давно уже в Москве не жили, а поселились в Богородской губернии. Один из их сыновей, старший, Алексей, в мае 1917 года был осужден и теперь отбывал срок в Омском исправдоме. Таким образом, совершить ограбление ризницы он не мог. Значит, следовало искать последнего брата Полежаева — Дмитрия. Однако поиски его растянулись на несколько месяцев. В ходе этого расследования выяснилось следующее.

С января 1918 года в дачном поселке Красково под Москвой проживал некто Виктор Попов, выдававший себя за коммерсанта. Вместе со своей любовницей он снял дом у местного жителя Жбанкова и весьма щедро с ним за это расплатился. Этим богатым коммерсантом и оказался разыскиваемый Дмитрий Полежаев.

Однако, когда сыщики нагрянули к нему в дом, его там не оказалось. Вместе со своей любовницей он отправился от-

дохнуть на юга — в Ялту. Сыщики не стали медлить и в тот же день, произведя в доме и вокруг него тщательный обыск, нашли многие вещи из числа тех, что были похищены из Патриаршей ризницы.

Дмитрия Полежаева арестовали через несколько дней. Загоревший и отдохнувший, он сошел с электрички и прямо на платформе попал в руки оперативных работников МУРа. Так завершилось дело, в котором особую роль сыграл опытный сыщик с дореволюционным стажем Иван Свитнев.

Однако в большинстве случаев Советская власть относилась к старым специалистам с недоверием, а порой и откровенной враждебностью. Руководство НКВД в своих директивных документах подчеркивало, что на службе в уголовно-розыскных отделениях ни в коем случае не должны находиться лица, хотя бы незаменимые специалисты, работавшие в политическом сыске до Октябрьской революции. Такие люди, подчеркивалось в документах, должны быть немедленно уволены.

И все же, даже несмотря на столь грозные директивы, многие как губернские, так и центральные розыскные органы НКВД первое время шли на контакт со старыми спецами и активно привлекали их к работе. Примером была Москва. Здесь во главе угрозыска встал профессионал царского сыска К. Н. Маршалк, до 1917 года возглавлявший Московскую уголовную полицию. Правда, период сотрудничества с ним длился недолго. Вскоре К. Маршалк, чувствуя, что над ним сгущаются тучи, бежал в Финляндию, и его место занял проверенный большевик К. Розенталь. В результате раскрываемость преступлений в МУРе той поры составляла всего 15 процентов.

В Москве самой многочисленной бандой в 1917 — 1919 годах была банда Николая Михайловича Сафонова по кличке Сабан, у которого был немалый уголовный опыт, несколько судимостей, годы каторжных работ. За два года существования эта банда, в нее входили 34 человека, совершила несколько десятков вооруженных нападений, награбив денег и ценностей на сумму свыше 4,5 миллиона рублей.

Главаря банды нельзя было упрекнуть в отсутствии дерзости. Прослышав однажды, что его активно разыскивают сотрудники 27-го отделения милиции, Сабан явился в отделение и, выхватив бомбу, буквально разогнал всех сотрудников по углам.

Не останавливалась банда и перед убийствами. На Дмитровском шоссе она ограбила на 1,5 миллиона рублей семью фабриканта Иванова и перед уходом хладнокровно лиши-

ла жизни всех ее членов. Но самым громким преступлением этой банды стали убийства 24 января 1919 года 16 постовых милиционеров. Все они были уничтожены в самое короткое время из проезжающей машины в районах Долгоруковской улицы, Оружейного переулка, Лесной улицы и Тверской заставы. Убийства совершались предельно просто и хладнокровно: налетчики подзывали постового к машине, справлялись у него, как проехать в какой-нибудь переулок, и в тот момент, когда милиционер собирался ответить, производили в упор несколько выстрелов. Эти преступления породили среди москвичей слухи о неких «черных мстителях», убивающих исключительно милиционеров. Постовые тогда отказывались дежурить в одиночку, что вызвало соединение нескольких сторожевых единиц в пикете. На поиски бандитов были подняты лучшие силы московского утго. Но с первого раза Сабана взять не удалось: ранив одного сыщика, он сумел выскользнуть из расставленной для него ловушки.

После этого он отправился в Лебедянь Липецкой области, где во время ссоры зверски вырезал семью своей родной сестры, состоявшей из восьми человек. Там его и схватили. Жители города потребовали от властей казнить изувера прилюдно, что и было тотчас сделано. Однако, несмотря на гибель вожака, банда не распалась и, возглавляемая теперь бывшим каторжником Павлом Морозовым по кличке Паша Новодеревенский, продолжила свое кровавое ремесло. До весны 1920 года она совершила несколько десятков ограблений и убила более 30 человек. Так, в доме № 16 по Банном переулку и в доме № 14 близ Рогожской заставы бандиты вывели свои жертвы в сарай и зарубили всех топором. Было убито 10 человек. Чуть позже на платформе Соколовская Ярославской железной дороги они ограбили местную аптеку и изнасиловали жену аптекаря. Свидетели этого преступления смогли выбежать из аптеки и подняли шум. В ответ разъяренные налетчики явились на платформу и хладнокровно убили 10 человек, служащих железной дороги.

Уголовная секция МЧК и МУР буквально сбились с ног в поисках неуловимых налетчиков. И до весны 1920 года большинство членов этой банды были или переловлены, или уничтожены. Лишь Павел Морозов пока избегал всех ловушек. И кто знает, сколь долго был бы его преступный путь, если бы не случай: во время ссоры с рядовым членом банды Иваном Барабановым по кличке Вороной Морозов был убит.

Не менее известным преступником, чем Сабан и Морозов, являлся в те годы Яков Кузнецов по кличке Яшка Кошельков.

Его банда насчитывала 18 человек и в 1918 — 1919 годах наводила страх на москвичей.

Отец Кошелькова был каторжником, осужденным за разбойные нападения, и умер в Сибири. Сам Яшка к 1917 году имел за плечами 10 судимостей. После нескольких удачных ограблений Кошелькова в октябре 1918 года схватили в городе Вязьме, и он готовился к самому худшему. Верные друзья не дали пропасть своему главарю. Когда Кошелькова этапировали в московскую чрезвычайку под конвоем трех человек, бандиты на Мясницкой вручили ему буханку хлеба, в которой был спрятан револьвер. Получив такой «хлебец», Кошельков через минуту убил двух конвоиров и скрылся.

19 января 1919 года Яков Кошельков мог бы изменить весь ход советской истории. В тот день ему попался сам Председатель Совнаркома Владимир Ульянов-Ленин. Случилось это на Сокольническом шоссе близ Краснохолмского моста, когда Ленин ехал в своем автомобиле в одну из школ. Кошельков лично разоружил именитого пассажира (правда, не зная, кто это), отобрав у него документы. После этого он отпустил Ленина, его сестру Марию Ильиничну и водителя. Сам же с товарищами сел в их автомобиль и продолжил путь.

Однако, проехав несколько километров и узнав из отобранных документов, кого он отпустил, Кошельков спешно вернулся назад, но Ленина уже и след простыл.

Через три дня, 22 января 1919 года, зампреда ВЧК Яков Петерс собрал экстренное совещание представителей ВЧК, МЧК, Моссовета, уголовного розыска и ряда общественных организаций, на котором был выработан общий план борьбы с бандитизмом. После совещания борьба стала поистине беспощадной. В приказе Московского окружного комисариата по военным делам говорилось следующее: «Всем военным властям и учреждениям народной милиции в пределах линии Московской окружной железной дороги расстреливать уличенных и захваченных на месте преступления виновных в грабежах и насилиях».

Спустя неделю в Москве была ликвидирована группа бандитов, принадлежащих к банде Кошелькова. Но сам главарь по-прежнему оставался недосягаем для сыщиков.

Между тем в отличие от Сабана и Морозова Кошельков старался не убивать мирных граждан, в основном он вымещал злость на сотрудниках милиции и чекистах. Так, узнав однажды адрес особо активного в его поимке сотрудника уголовной секции МЧК Ведерникова, Кошельков с сообщниками явился к тому на квартиру и застрелил на глазах родных и близ-

ких. 14 марта 1919 года он убил на Плющихе двух комиссаров МЧК. 1 мая на Воздвиженке такая же участь постигла троих милиционеров.

Небывалый размах бандитизма вынудил правительство бросить на борьбу с ним свои лучшие силы. 30 марта 1919 года наркомом внутренних дел РСФСР становится председатель ВЧК Феликс Дзержинский. По его рекомендации к руководству Московским уголовным розыском приходит бывший матрос с «Рюрика», а ныне чекист Александр Трепалов. Он проводит беспощадную чистку в угро, уволив из него сразу около 15 человек. Не чураясь черновой работы, сам участвует во многих операциях МУРа. Так, в 1918 году с двумя оперативниками отправляется в бандитское чрево Москвы — на Хитров рынок, чтобы лично взять местного «короля» бандитов Михаила Селезнева по кличке Ночной Король Хивы. Держал под своим контролем А. Трепалов и операцию по поимке Якова Кошелькова.

10 мая 1919 года в кофейной у Пречистенских ворот сотрудники уголовной секции МЧК «сели на хвост» Кошелькову и его сообщникам Мартазину, Хохлову и Иванову. В завязавшей перестрелке Хохлов был убит, Иванов задержан, но Кошельков с Мартазиным скрылись на лихаче.

Через девять дней ситуация повторилась. В Конюшковском переулке была накрыта кошельковская «блатхата». В перестрелке трое бандитов были убиты, а Кошельков все с тем же Мартазиным, выбив оконную раму, скрылись. Через три недели после этого, как бы в отместку за свои рискованные прыжки, Кошельков со товарищи совершил вооруженный налет на контору Афинерного завода на Донской улице, сорвав куш в 3,5 фунта золота и 4 фунта платины. Но погулять на это золотишко Кошелькову уже не довелось. 21 июня 1919 года московские сыщики из угро и МЧК через своих осведомителей узнали о новой явке Кошелькова в доме № 8 по Старому Божedomскому переулку. Операцию по поимке опасного бандита возглавил лично начальник МУРа А.Трепалов. В пять часов вечера Кошельков и его товарищ Емельянов по кличке Барин попались в ловко расставленные сети. Но, услышав команду «Руки вверх», бандиты сдаваться не стали, а применили оружие. В завязавшей перестрелке Барин был убит наповал, а Кошельков тяжело ранен. Его смерть наступила через 18 часов утром 22 июня 1919 года.

Это была одна из самых успешных операций тогдашнего МУРа, который вел негласную борьбу за свой авторитет с уголовной секцией МЧК. Чекисты уже тогда были поставлены на

ступень выше, чем сотрудники милиции, и даже продуктовые пайки, в которых у чекистов присутствовали редкие по тем временам масло и сахар, зримо подчеркивали это.

Несмотря на то что волну бандитизма в Москве удалось несколько сбить, в 1920 году при МУРе появилась специальная бригада из 15 человек, которая занималась исключительно бандитскими группировками. В нее вошли проверенные бойцы сыска: Н. Осипов, Г. Иванов, И. Кириллович, А. Ефимов, Н. Ножницкий, И. Клебанов, И. Родионов, М. Марзанов, А. Бухрадзе, Д. Кипиани, Я. Саксаганский, Н. Безруков и др.

В 1920 году количество вооруженных грабежей по сравнению с 1919 годом в Москве сократилось в 3 раза, а невооруженных ограблений — в 9 раз. Число убийств уменьшилось на одну треть. К 1921 году было ликвидировано значительное количество банд, терроризировавших город более трех лет. Одно перечисление их заняло бы у нас не одну страницу. Поэтому ограничимся лишь кратким списком самых известных и крупных банд.

Банда Ивана Гусева по кличке Гусек насчитывала в своих рядах 13 человек и действовала в районе Петровского парка и Бутырской заставы. Ликвидирована в конце 1919 года.

Банда Федора Прокофьева по кличке Графчик действовала в районе Екатерининского парка и Пименовской улицы. Ликвидирована весной 1920 года. Банда Ивана Савостьянова по кличке Краснощек насчитывала 41 человека и действовала по всей Москве. Ликвидирована в конце 1919 года.

Банда Николая Константинова по кличке Хрящик насчитывала 10 человек и действовала на Дмитровском шоссе, за Бутырской заставой, в селах Останкино и Свиблово. Ликвидирована в конце 1919 года.

Банда Ивана Румянцева по кличке Матрос насчитывала 20 человек и действовала в том же районе, что и банда Хрящика, но спустя полгода после ее ликвидации. Уничтожена в середине 1920 года.

Банда Бориса Бондарева по кличке Бондарь в количестве 10 человек действовала в районе Марьиной рощи и Неглинного проезда. Ликвидирована в конце 1920 года.

Банда латышей, насчитывавшая 13 человек во главе с Александром Соло по кличке Донатыч, действовала в центре Москвы до лета 1920 года.

В октябре 1920 года в Москве объявилась «банда шоферов». Она состояла из 20 человек, а название свое получила из-за того, что, как оказалось, почти все ее участники были шоферами и служили в различных советских учреждениях. Главари-

ми банды были шофер гаража Реввоенсовета Республики Владимир Иванов и шофер гаража ГВИУ Павел Гольшев. Так как бандиты принадлежали к шоферской профессии, большинство своих преступлений они совершили «на колесах». Так, в октябре 1920 года в Третьяковском проезде восемь членов банды напали на автомобиль Народного банка и, убив конвоира, похитили 287 миллионов рублей.

Несколько позднее члены этой же банды, разъезжая по улицам Москвы на автомобиле, выбирали красивых женщин и под видом ареста увозили их за Дорогомиловскую заставу, где, угрожая оружием, насиловали. Таких случаев за несколько дней набралось четыре.

В 1920 году в МУРе было 6 территориальных, районных отделений. Седьмое носило название губернского и занималось преступлениями, совершенными в области. Восьмое отделение именовалось железнодорожным. Кроме того, в состав МУРа входили: отряд по борьбе с карманными кражами, стол приводов, питомник служебного собаководства, тюрьма и телеграф.

В начале 20-х в Москве началось изучение причин преступности, буквально захлестнувшей столицу. В 1922 году Административный отдел Моссовета привлек к этой работе группу ученых. Результаты своего исследования они изложили в сборнике «Преступный мир Москвы». Это был первый научный труд при Советской власти, обобщивший не только состояние преступности в столице, но и практику работы правоохранительных органов.

Еще через год при МУРе был создан научный кабинет по изучению преступности и преступника, который стал первым научным учреждением в системе органов внутренних дел.

После того как в конце 1921 года по бандитствующим элементам в Москве был нанесен существенный удар, большинство из них решили сменить место своей дислокации и переехали в Северную Пальмиру — Петроград. С этого момента волна преступности перекинулась в город на Неве.

Надо отметить, что и до этого Петроград не уступал Москве по части чрезвычайной криминогенности, и бандиты Питера ничем не уступали своим московским коллегам. Были и там свои знаменитости. Один из таких — Иван Белов по кличке Ванька Белка, банда которого в течение двух лет орудовала в петроградских пригородах. Их зверства по отношению к чекистам и милиционерам не знали себе равных. К примеру, попавшийся в их руки инспектор уголовного розыска Алек-

сандр Скальберг принял поистине мученическую смерть: его четвертовали.

Всего же к весне 1921 года на совести банды Белки было уже 27 убийств, 18 раненых и больше 200 краж, разбоев и грабежей.

Эту банду выследили с помощью внедренного в преступную среду агента ленинградского угро Ивана Бодунова (это именно ему писатель Юрий Герман посвятил свою повесть «Наш друг Иван Бодунов», а его сын А. Герман затем снял фильм «Мой друг Иван Лапшин»). В течение нескольких месяцев Бодунов вращался в бандитской среде, пока осенью 1921 года не установил точный адрес «блатхаты» Белова — Лиговский проспект, 102. Туда и нагрянули затем чекисты и сыщики угро. В том бою бандитов практически не жалели. В результате на месте были убиты сам Иван Белов, его супруга и около десяти членов банды. Однако конец одной банды не мог снять проблему бандитизма в Петрограде в целом.

После того как в конце 1921 года волна бандитизма вновь захлестнула Петроград, Москва срочно выслала туда подмогу: в город выехала уголовная секция МЧК. В результате этого за первые четыре месяца 1922 года в городе было ликвидировано 5 вооруженных банд численностью до 150 человек, из которых 63 были расстреляны.

Особенные хлопоты петроградским сыщикам доставлял, несомненно, самый знаменитый налетчик того времени Леонид Пантелкин по кличке Ленька Пантелеев. В отличие от налетчиков-любителей, которых в те годы развелось в достаточном количестве, Пантелеев был налетчиком-профессионалом, наделенным недюжинным организаторским талантом. В его банде насчитывалось около десятка человек, действовала строгая дисциплина и тщательная конспирация. Немалую помощь в этом оказывало Пантелееву то, что был он до недавнего времени не кем-нибудь, а сотрудником ГПУ.

Приобщение Пантелеева к бандитскому ремеслу произошло при весьма необычных обстоятельствах. Мы уже упоминали о том, что до 1921 года он работал рядовым сотрудником ГПУ. Однако в один злополучный для Пантелеева день, когда он с другом решил посетить, любопытства ради, один из ленинградских притонов, там произошла чекистская облава. В числе многих задержанных оказался и Пантелеев. Узнав об этом, начальство тут же приняло в отношении его карательные меры, и Пантелеева в одночасье уволили из органов. Это было настоящим ударом для 23-летнего юноши. С таким клеймом уволенный из органов за дискредитацию звания не

мог найти работу — его теперь никто не решался оформить к себе на постоянную должность. Для Пантелеева потянулись мучительные месяцы ожидания на ленинградской бирже труда. Однако дни тянулись, работу ему так и не предлагали. Зато нашлись на бирже труда друзья — такие же, как и он, молодые люди, выброшенные судьбой на обочину жизни. Среди них был и Дмитрий Гавриков, ставший для Пантелеева чуть ли не родным братом. Вместе с ним и двумя другими сообщниками Пантелеев и пошел на свое первое ограбление. Случилось это 4 марта 1922 года, и первой жертвой этой банды стал богатый ленинградский меховщик Богачев. Ограбление прошло настолько гладко, что Пантелеев со товарищи решил не останавливаться на достигнутом. Ровно через две недели после первого преступления, 18 марта, они «грабанули» квартиру доктора Грилихеса. И вновь это сошло им с рук. После этого длинная череда дерзких ограблений, совершаемых бандой Пантелеева, буквально потрясла Петроград. Причем потрясенными и обезумевшими от страха оказались новые советские буржуа, нэпманы, а простой люд был буквально в восторге от дерзости и лихости «потрошителя богатых», эдакого Робин Гуда советской поры — Леньки Пантелеева.

Отметим, что, в отличие от многих иных налетчиков той поры, Пантелеев никогда не скрывал своего настоящего имени и при каждом налете оповещал свои жертвы о том, кто их ограбил. Это был его своеобразный вызов бывшим коллегам по ГПУ, которые буквально сбивались с ног в поисках неуловимого Леньки и его друзей.

Выгодно отличался Ленька от своих коллег-налетчиков и тем, что был довольно скромно и непритязателен в быту. Он не пил и любил всего лишь одну женщину, бухгалтершу, с которой судьба свела его еще в пору работы в ГПУ. Она знала о новой «работе» своего возлюбленного, сильно переживала за него, но он никогда не давал повода чекистам уличить ее в пособничестве.

В августе 1922 года Пантелеев совершил два вооруженных налета прямо на улице, среди бела дня. Во время одного из них он убил человека — первого на своем веку. Им оказался милиционер Борзов. Дело обстояло так. Ситуация складывалась для Пантелеева и Гаврикова неудачно. Завязалась перестрелка между налетчиками и сыщиками, в результате которой Гавриков был ранен в руку. Спасаясь от погони, друзья забежали в одну из аптек, чтобы на ходу перевязать рану. Один из сыщиков, случайно оказавшийся на дороге у бандитов, заметил, куда они зашли. Не теряя времени, он бросился в ближайшее

отделение милиции. Вскоре к аптеке подъехала машина с шестью вооруженными милиционерами. Когда они ворвались в аптеку, Гаврикову еще перевязывали рану, а Пантелеев сидел на лавке с револьвером в руке. Увидев, кого принесла нелегкая, Ленька не раздумывая пустил в дело оружие и убил первого же вбежавшего в помещение милиционера. Остальные на несколько секунд опешили, и этого времени Пантелееву и Гаврикову вполне хватило на то, чтобы, выбив оконную раму, выскочить на улицу. Поймать их после этого так и не удалось.

После этого убийства Пантелеев буквально обезумел. Первая кровь развязала ему руки. Когда однажды на улице его опознал один из милиционеров и попытался самолично задержать, Ленька вырвался из рук стража порядка и, недолго думая, застрелил его. Следом за милиционером он убил ни в чем не повинную старушку, возвращавшуюся с базара, а также шофера, который увез его под дулом пистолета с места происшествия.

И все же, несмотря на все ухищрения, к осени 1922 года кольцо вокруг него сжималось все сильнее и сильнее. В сентябре на одной из «блатхат» чекистам наконец удалось задержать Пантелеева, а вместе с ним и Гаврикова, Лысенкова и Рейнтонна. Одного милиционера во время ареста Пантелеев все-таки убил. Арестованных поместили в «Кресты» под надежную охрану. Советская судебная машина начала готовиться к шумному процессу над знаменитым бандитом. Однако фортуна не изменила налетчику даже в тюрьме. В ней нашелся человек, готовый за хорошее вознаграждение (золото, бриллианты и помощь в устройстве его побега за границу) выволочь Пантелеева и его друзей из тюрьмы. Этим человеком оказался заместитель начальника тюрьмы. Получив обещанные драгоценности, он тут же подписал бумаги об освобождении бандитов. Так в ночь на 11 ноября 1922 года Ленька Пантелеев со товарищи оказался на свободе.

Между тем в отличие от Пантелеева тюремному начальнику повезло гораздо меньше. Бандиты «кинули» его и так и не помогли переправиться за границу. Тогда он предпринял эту попытку сам, но был схвачен и через месяц расстрелян по приговору военного трибунала.

А Пантелеев тем временем, очутившись на свободе, вновь окунулся с головой в кровавую вакханалию налетов и грабежей. Уголовный розыск и ГПУ опять сбивались с ног, выискивая по «блатхатам» удачливого авантюриста. Неоднократно сыщики сталкивались с Пантелеевым нос к носу, один раз даже ранили его в руку, но поймать так и не могли. А Панте-

леев, как будто пьянея от азарта этой охоты на него, входил в еще больший раж и исступление. За январь 1923 года он совершил 10 убийств, около 20 уличных грабежей и 15 вооруженных налетов. И во всех случаях пускал в ход свой револьвер не раздумывая.

Однажды, придя в один из притонов, где на него была устроена засада, он почувал неладное уже на пороге. Не давая времени никому опомниться, он выхватил пистолет и тут же убил хозяйку притона, оперативника, ранил второго и, выскочив во двор, по пути убил дворника, подметавшего улицу.

Зная о том, что Пантелеев «трясет» поздних лихачей, чекисты решили устроить ему здесь засаду. Двое вооруженных оперативников, одна из них была женщина, сели в пролетку и помчались по вечерним улицам Питера. Однако здесь Пантелеев оказался хитрее своих преследователей. Его реакция оказалась быстрее, и оба оперативника оказались убитыми наповал.

Но вечно так продолжаться, конечно, не могло. Конец должен был наступить, и он наступил. 12 февраля 1923 года Пантелеев и Гавриков уверенно шли на одну из надежных своих «блатхат» на Можайской улице. Между тем на ней уже давно дежурила чекистская засада. И как только бандиты переступили порог квартиры, из комнаты ударил дружный залп, и Пантелеев с Гавриковым рухнули на дощатый пол.

Случилось это ночью, а уже вечером 13 февраля в газете «Красная звезда» было помещено срочное сообщение под заголовком: «Арест Леньки Пантелеева». В нем сообщалось: «В ночь с 12 на 13 февраля ударной группой по борьбе с бандитизмом при Петроградском губернском отделе Г.П.У. с участием Уголовного розыска после долгих поисков пойман известный бандит, прославившийся за последнее время своими зверскими убийствами и налетами Леонид Пантелкин, по кличке Ленька Пантелеев. При аресте Ленька оказал отчаянное вооруженное сопротивление, во время которого был УБИТ.

Вместе с Пантелеевым задержан и другой бандит, Мишка Корявый, который во время сопротивления ранен в шею. Задержаны также соучастник Пантелеева известный громила-взломщик Сашка Пан и целый ряд соучастников и укрывателей...»

Но даже после этого сообщения власти, зная о тех легендах, которые ходили в городе вокруг неуловимого Пантелеева, сознавали, что окончательно развеять всякие домыслы о живучести этого бандита может только показательная акция. Поэтому и был разрешен общественности доступ в морг, где в течение нескольких дней лежал труп Пантелеева.

Между тем с введением в стране нэпа ситуация вновь начала меняться, причем отнюдь не в лучшую сторону. Расслоение общества, появление целой прослойки новых советских буржуа не могло не сказаться на росте преступности. В Москве в структуре МУРа вновь была воссоздана бригада по борьбе с бандитизмом. И хотя ситуация 1918 — 1920 годов повториться уже не могла, но обстановка в стране заметно усложнилась. В Москве того времени самыми известными бандитами стали Мишка Курносов и Гаврилов по кличке Земляничник, банда которого грабила кооперативы и магазины в столице и Твери.

В Питере самым громким преступлением 1923 года было вооруженное ограбление Кожевенного синдиката. Тогда государственные учреждения не сдавали ежедневно деньги в банки, поэтому в их кассах хранились немалые суммы. Вот и из кассы Кожевенного синдиката преступники в тот день похитили 96 тысяч рублей. Фабула преступления была такова.

Средь бела дня к зданию синдиката подкатили три пролетки, из которых выскочили семеро вооруженных пистолетами людей. Один из них, не раздумывая, для большего эффекта швырнул в витрину синдиката гранату. Раздался оглушительный взрыв, и стеклянная витрина разбилась вдребезги. После этого налетчики ворвались в помещение и под дулами пистолетов заставили всех служащих, а их было сорок человек, лечь на пол. При этом все грабители стреляли в потолок и ругались.

Забрав из кассы три мешка денег, налетчики еще немного постреляли, после чего выбежали на улицу и, сев все в те же пролетки, умчались прочь.

Следствие по этому делу шло несколько месяцев. У сыщиков не было ни одной серьезной зацепки, по которой можно было выйти на грабителей. И кто знает, когда бы возмездие свершилось, если бы не случай. Однажды кассир ограбленного синдиката зашел отдохнуть в ресторан «Квисисана», за одним из столиков он опознал в мужчине главаря налетчиков и тут же позвонил в милицию. Главаря взяли через несколько минут в том же ресторане. После этого задержали и остальных шестерых соучастников.

Как выяснилось в ходе следствия, главарем оказался некто Сизов. Он упорно настаивал на политических мотивах ограбления, выдавал себя за члена партии эсеров. Говорил, будто эти средства нужны были для партийных нужд. Однако, как оказалось, все деньги у него пошли на развлечения. Причем сыщиков поразил тот факт, что из 96 тысяч рублей Сизову досталось целых 70. Остальные грабители довольствовались

двумя тысячами на брата (по две тысячи рублей получили и извозчики, нанятые налетчиками).

Между тем после убийства Ленки Пантелеева в феврале 1923 года бандитизм в Питере постепенно сходил на нет. Последней крупной вооруженной преступной группировкой в городе была банда Жорки Александрова, за которой числилось 39 крупных ограблений ювелирных магазинов, банков, ломбардов. Начиная свою бандитскую карьеру еще до революции, Александров сумел по-настоящему развернуться только во времена нэпа. Когда его поймали, весь Ленинград следил за судебным процессом над ним и его сообщниками. Их всех приговорили к расстрелу и лишь самого юного участника банды, который обычно во время налетов стоял на стреме, решили помиловать и дали ему несколько лет тюрьмы.

Между тем самой безжалостной бандой начала 20-х годов была банда Василия Котова. Ее главарь родился в 1884 году в деревне Суходол Вяземского уезда Смоленской губернии, в неблагополучной семье. Его отец и трое братьев регулярно нарушали закон и неоднократно попадали за решетку. Во время одной из таких отсидок отец скончался, и воспитанием младшего, Василия, занялись старшие братья. В результате уже в 12 лет тот попался на краже и угодил в исправдом. С этого момента из тюрем Василий практически не выходил.

В 1918 году он был отпущен на свободу новой властью как «жертва царского режима» и принялся за разграбление помещичьих усадеб. Его ближайшим сообщником в этом деле был уроженец Белгородского уезда Курской губернии Григорий Морозов, который еще в 1903 году обагрив свои руки кровью полицейского. Именно под влиянием этого человека банда Котова и стала совершать массовые убийства ни в чем не повинных людей.

Одно из первых подобного рода преступлений бандиты совершили в Курске — на родине главаря. Случилось это в Казанской слободе в ноябре 1920 года. Под покровом ночи бандиты подошли к одному из домов и постучались в дверь. В качестве приманки выступила 20-летняя любовница Котова, дочь служащего железнодорожного депо на станции Курск Серафима Винокурова. Сообщив разбуженным хозяевам, что она оказалась жертвой ограбления, Винокурова попросила пустить ее на ночлег. И сердобольные хозяева дома по фамилии Лукьяновы открыли ей дверь.

Ворвавшиеся в дом бандиты не пожалели никого и после ограбления убили топором (излюбленное орудие Морозова) всех пятерых. Над детьми «смилоstinивились» и завязали им

тряпками глаза, чтобы те не видели ни смерть родителей, ни свою собственную.

После этого жестокого преступления бандитов уже ничто не сдерживало. В январе 1921 года они ворвались в дом все в том же Курске, на этот раз в Стрелецкой слободе, и застали там сразу 16 человек. Дом принадлежал одному китайцу, и к тому в тот вечер на огонек зашли его соплеменники. Однако даже такое количество людей не испугало преступников. Они связали их всех по рукам и ногам, а затем хладнокровно раскrojили им черепа с помощью все того же топора.

Прошел всего лишь месяц после этого зверства, и преступники вновь, прогуляв награбленное, вышли на охоту. В том же Курске на Хуторской улице они ограбили и убили семью из шести человек. Таким образом, всего лишь за три месяца банда Котова отправила на тот свет 27 человек.

Курский уголовный розыск был абсолютно беспомощен в деле поимки жестоких убийц, что вполне объяснимо. В те годы провинциальные службы российского угро практически не имели у себя ни профессиональных сыщиков, ни каких-либо технических средств. Поэтому банда Котова абсолютно безнаказанно творила свои зверства во многих регионах России. Так, летом и осенью 1921 года они убили две семьи по пять человек каждая в деревне Видное Гжатского уезда и близ станции Уваровка (все в Смоленской губернии). Возле станции Батюшково они уничтожили шестерых хуторян Яковлевых, после чего отправились в Калужскую губернию и в Боровском уезде зарубили сразу 16 человек из семей хуторянина Лазарева и его работника. Затем бандиты вновь вернулись в пределы Курской губернии и за пару месяцев убили еще 27 человек.

В конце 1921 года бандиты наведались и в Подмоскowie, а именно — в Бородинскую область Можайского уезда. Действовали по хорошо отработанному сценарию: Винокурова стучалась в дверь, а Котов и Морозов врываются в дом. В тот раз ими были убиты пятеро членов семьи Соловьевых.

В январе 1922 года бандиты вновь объявились в Гжатском уезде, где убили всю семью Мешалкиных. Счет их жертв уже приближался к сотне, а конца кровавым злодеяниям видно пока не было. Но тут преступники, видимо, окончательно уверовавшие в свою безнаказанность, совершили просчет. В конце января 1922 года они впервые «наследили» в Москве: на Поклонной горе зарубили семью Морозовых из 6 человек. Несмотря на то что, уходя, бандиты подожгли разграбленный дом, сыщики из МУРа сумели установить приблизительную

картину преступления. Однако ни один из местных преступников, известных МУРу, под этот почерк не подпадал. Стало ясно, что это дело рук заезжих гастролеров. И в это время в Москве произошло еще одно подобное преступление.

В доме № 53 по Нижне-Красносельской улице были убиты ударами топора по голове трое членов семьи Малица и мужчина, снимавший у них одну из комнат. И на этот раз, уходя с места преступления, преступники попытались поджечь квартиру.

Сыщики МУРа подняли на ноги всю свою агентуру в уголовной среде, однако личность хотя бы одного из членов жестокой банды установить так и не удалось. К тому же молчали региональные отделения угро, на территории которых произошли подобного рода преступления. Поэтому оставалось только ждать, что рано или поздно, но преступники совершат роковую для себя ошибку.

Тем временем в мае 1922 года банда Котова вновь объявилась в Гжатском уезде Смоленской губернии — на этот раз жертвой преступления стал всего один человек — 50-летняя хуторянка Федотова. Перед тем как ее убить, Морозов изнасиловал несчастную. В отличие от Котова, который всегда имел под рукой любовницу Винокурову, Морозов был один как перст, поэтому никогда не упускал возможности изнасиловать кого-нибудь из жертв. Причем ее возраст не играл для него абсолютно никакой роли.

Между тем после убийств в Москве столичные сыщики отправили во все региональные отделения угро запросы о том, чтобы в столицу сообщались все случаи подобного рода убийств. И первыми такое сообщение отправили гжатские сыщики. Однако, пока это сообщение шло в Москву, бандиты совершили очередное зверство — на этот раз возле подмосковной станции Паликово в Верейском уезде. Причем на этот раз они действовали несколько иначе, чем в других случаях.

Представившись хозяевам дома сотруниками местной милиции, они сообщили, что намерены произвести в их доме обыск. После этого, потрясая перед ошеломленными хуторянами револьверами, преступники связали всем восьмерым руки за спиной и отвели в дом. В это время во двор вошли трое молодых людей, которые возвращались с охоты и случайно оказались в этих местах. Этим людей бандиты тоже арестовали и присоединили к хуторянам.

После того как все ценные вещи были вынесены из дома и погружены на телеги, Морозов вновь взялся за топор. Однако на этот раз бдительность ему изменила. На полу дома лежали

одиннадцать человек, и, когда Морозов ударом топора убил первого из них, главу семейства, остальные жертвы, крича и плача, стали расползаться в разные стороны. Морозов бросился за ними и стал на ходу убивать их одного за другим. Однако в пылу погони он не заметил, как одна из жертв, 16-летняя дочь владельца дома по имени Христина, сумела закатиться под кровать, а там заползла под стойки, на которых была сложена печь. Это и спасло ей жизнь. Таким образом, впервые за полтора года своей деятельности банда Котова оставила в живых свидетеля своих преступлений.

Чудом уцелевшая девушка сумела весьма подробно описать всех преступников, среди которых оказалось трое мужчин и одна молодая женщина. Сыщики МУРа бросились наводить справки об этих людях, пытаясь отыскать их имена в списках преступников, известных еще с царских времен. Но, пока наводились справки, банда Котова кровавым смерчем пронеслась по Подмосквью, успев за три недели убить 32 человека в Воскресенском и Наро-Фоминском уездах. В последнем они убили семью из 13 человек, большую часть которых составляли дети. После этих убийств во всех уездах прошли массовые выступления крестьян, которые требовали от местной власти немедленной поимки извергов. Власти в свою очередь обратились за помощью в Москву.

К тому времени в МУРе уже скопилась достаточная база данных о деяниях этой банды. Но так как преступники предпочитали действовать во многих областях, было решено отправить в ряд из них опытнейших сыщиков. Так, в Гжатский уезд был откомандирован агент МУРа Э. Степанов. Именно ему и удалось с помощью местных жителей установить дом, в котором бандиты оставили часть награбленного в семье Яковлевых. Владельцем этого дома оказался 19-летний Иван Крылов. После нескольких изнурительных допросов нервы парня не выдержали, и он сознался в том, что несколько раз участвовал с разыскиваемыми преступниками в грабежах и убийствах. Назвал он и их имена — Василий Смирнов и Иван Иванов. Причем внешний облик этих людей абсолютно точно сходил с описанием Христины.

Получив искомые имена, сыщики МУРа просмотрели всю свою, а также общероссийскую картотеку, но даже упоминания об этих людях не нашли. Тут пришла догадка, что бандиты могли умело маскироваться под вымышленными именами. Напасть на их след можно было, только подключив к этому делу всю общесоюзную агентуру. Что и было сделано.

В ноябре 1922 года из-под Киева пришло сообщение: мужчина и женщина, похожие по описаниям на разыскиваемых, находятся здесь. Получив это сообщение, в МУРе удивились: почему только двое, ведь в банде был твердый костяк — три человека? Однако в Москве еще не знали, что одного участника банды, Григория Морозова, к тому времени уже не было в живых: 23 сентября в лесу под подмосковной Апрелевкой Котов лично пристрелил из револьвера своего соратника. Видимо, опасения относительно того, что рано или поздно садист Морозов доберется и до него, подвигли Котова первым взяться за оружие. Но спасти Котова от заслуженного возмездия это все равно уже не могло. Через полтора месяца после этого выстрела его и его любовницу сыщики МУРа все-таки схватили в городке Нежин Черниговской губернии.

Суд над Котовым, Винокуровой и Крыловым состоялся в 1923 году в московском Ревтрибунале. Несмотря на то что все они в один голос утверждали, что основным убийцей 116 человек был покойный Морозов, избежать высшей меры наказания им так и не удалось. В те годы революционное правосудие карало подобного рода преступников безжалостно.

В те же самые дни, когда в Москве решалась судьба Василия Котова и его подельников, в Сибири зверствовал еще один массовый душегуб — Михаил Осипов по кличке Культяпый.

Многих извергов знавала до этого земля российской, однако этот был особенным. Убивать людей доставляло ему истинное удовольствие, и он всегда делал это сам, не доверяя никому из своих подельников. Причем он не жалел никого: ни детей, ни женщин, ни стариков. Убивал целыми семьями, даже домашних животных не оставлял в живых. После злодеяний всегда оставлял свою «визитную карточку»: разложенные веером трупы на полу. Именно эта примета и навела сибирских сыщиков на мысль о том, что убийца — явно профессионал. Стали копаться в царских архивах и вскоре установили, что веером трупы раскладывал только один человек — Михаил Осипов, уроженец Пермской области. В деле была найдена даже его фотография, с которой на людей смотрел обаятельный молодой человек интеллигентной наружности. У него и кличка в преступной среде была именно такая — Интеллигент. Культяпым он стал несколько позднее.

Поймали же этого изверга с интеллигентной наружностью, на счету которого было более сотни загубленных человеческих жизней, можно сказать, случайно. В Уфе Осипов с подельниками совершили налет на комиссионный магазин

прямо в центре города. Всех людей, находившихся там, бандиты связали и, как и положено, уложили веером на полу. Но в этот момент в магазин вошел местный священник отец Георгий. В свое время он занимался французской борьбой, и теперь прошлое увлечение ему весьма пригодилось. Сбив с ног сразу нескольких бандитов, он выскочил на улицу и поднял такой шум, что к месту происшествия сбежались все окрестные милиционеры. Осипов сдался, надеясь на то, что ему удастся прикрыться чужим именем. Однако его подвел «веер», про который сыщики уже знали. В 1924 году Михаила Осипова и его ближайших сподвижников расстреляли.

Тем временем нэп «развращал» не только бандитов. В те времена резко вверх пошла кривая взяточничества в рядах самой милиции. Кое-кого нэпманы покупали буквально «с потрохами». Во многих отделениях милиции к задержанным применялось насилие. В этом отношении весьма показательный случай, происшедший тогда в Москве с самим членом Центральной контрольной комиссии партии, членом Верховного суда СССР Ароном Сольцем. Однажды он ехал в трамвае без билета. Его поймали контролеры, он полез в карман за документами, но оказалось, что Сольц их оставил дома. Попытался объяснить это контролерам, однако они были неумолимы и с шумом препроводили его в ближайшее отделение милиции.

Очутившись там, Сольц искренне надеялся, что уж тут все окончательно прояснится, перед ним извинятся и отпустят. Однако действительность оказалась куда ужасней, чем предполагал видный член партии. Когда он попытался объяснить милиционерам, кто он такой, те в ответ грубо оборвали его, обозвали «жидом» и, применяя рукоприкладство, затащили в кутузку. Там Арон Сольц провел несколько мучительных часов, деля крышу с настоящими преступниками.

Когда вскоре ситуация с личностью Сольца прояснилась и его выпустили с извинениями на свободу, он первым делом пошел к Феликсу Дзержинскому, грозному председателю ВЧК. Тот выслушал рассказ своего товарища по партии и, не теряя ни секунды, взяв с собой с десятков чекистов, лично отправился в злополучное отделение. Явившись туда, Дзержинский арестовал начальника, весь штат милиционеров уволил, а само помещение приказал заколотить досками до лучших времен.

Однако отметим, что подобный случай был всего лишь редким исключением. Москва тем временем жила по-нэпмановски. В ней чуть ли не в открытую работали публичные дома. Самыми известными были два: «Мадам Люсьен» на Рождест-

венском бульваре и «Генеральша» в Благовещенском переулке. Буквально второе дыхание обрели в нэпмановской Москве воры, всевозможные мошенники и грабители. Во многих руках начало «говорить» оставшееся с гражданской войны оружие.

В 1925 году трое вооруженных мужчин ворвались в кассу типографии «Искра революции» и захватили все деньги. Но их отъезд с места преступления видели местные мальчишки. Они и описали муровцам автомобиль преступников. Им оказался редкий по тем временам автомобиль «ганза». Найти его в одном из гаражей на Большой Якиманке было уже делом техники.

С приобщением России к европейским благам увеличилось и число таких преступлений, как грабежи музеев. В конце 20-х самыми известными были два таких ограбления.

Первое произошло 22 апреля 1927 года в Москве. В ночь на Пасху из Музея изящных искусств им. А. С. Пушкина были похищены пять картин, представлявших огромную художественную ценность: «Бичевание Христа» Дж. Пизано, «Христос» Рембрандта, «Се человек» Тициана, «Святое семейство» Корреджо и «Иоанн Богослов» Дольчи.

Прибывшие по вызову музейных работников сыщики МУРа установили, что преступник действовал весьма умело и нагло. Проникнув на галерею музея, он дождался момента, когда зазвенели колокола пасхального благовеста, и обыкновенным бульжником разбил стекло в одном из окон. Так как в те годы никакой охраны в музее не было (и это при том, что еще в 1923 году из его Египетского зала было похищено 238 золотых предметов!), злоумышленник действовал безо всякой боязни быть обнаруженным. Открыв окно, он проник внутрь музея и вскоре оказался в демонстрационном зале. Там он достал нож и с его помощью вырезал из рам все пять картин. После этого он покинул музей тем же путем, каким туда пришел.

Никаких существенных следов преступник на месте преступления не оставил. Единственное, что удалось обнаружить сыщикам, — записка, которую грабитель прикрепил за раму одной из похищенных картин. На листке бумаги было начертано: «Христос мертв, быть смертию жизнь оживися». Кто-то из сыщиков по этой записке определил, что к краже вполне могут быть причастны служители церкви. Однако эта версия просуществовала недолго.

В августе 1927 года в МУРе внезапно появился коммерсант из Италии, который принес с собой... одну из похищен-

ных картин — «Бичевание Христа». Когда его спросили, откуда у него эта картина, коммерсант поведал сыщикам такую историю:

Утром в гостиницу «Метрополь», где он снимал номер, явился посыльный, который вручил ему небольшую посылку. В ней оказалась та самая картина и письмо, в котором неизвестный отправитель сообщал, что он согласен за небольшую, чисто символическую плату отдать этот шедевр коммерсанту, чтобы тот увез картину на ее истинную родину — в Италию. Однако искушенный в подобного рода делах коммерсант не стал рисковать своей репутацией и поспешил заявить об этом советским властям. Так сыщикам стало понятно, что картины попали в руки непрофессионала, и тот явно не знает, как от них избавиться. Однако напасть на его след не удавалось вплоть до 1930 года.

Грабитель навел на себя сыщиков сам. Был он весьма азартным игроком на бегах и сутками не вылезал с ипподрома. В большинстве случаев ему везло, однако в один из дней 1930 года он проигрался, что называется, в пух. И тогда он попросил одного своего знакомого дать ему денег в долг, а в качестве залога предложил ему... бесценную картину. Об этом предложении тогда же стало известно многим обитателям ипподрома, в том числе и негласному агенту МУРа. Тот, естественно, и доложил куда следует. В тот же день грабитель был арестован.

Как выяснилось, этим человеком оказался некто Федорович, который в свое время входил в банду петроградских «попрошителей музеев» во главе со Шварцем. Они давно планировали ограбить Музей изящных искусств, однако в 1926 году большую часть банды переловили сыщики, и Федорович вынужден был пойти на дело в одиночку. Все похищенные картины он сложил в небольшой чемоданчик и некоторое время хранил в камере хранения нескольких московских вокзалов. Но после того как закончилась провалом затея с итальянским коммерсантом, Федорович решил спрятать оставшиеся у него картины подальше и поглубже. Засунул их в жестяные банки и зарыл в землю в двух местах: в Покровском-Стрешневе и в двух километрах от деревни Ягличево Малинского (ныне Ступинского) района Подмосковья. Это захоронение затем дорого обошлось шедеврам: три картины были сильно повреждены и лишь «Христос» Рембрандта почти не пострадал. В 1933 году именно эту картину и продали в одну из частных американских коллекций.

Вторая кража произошла в конце тех же 20-х в Ленинграде в самом Эрмитаже. Там тогда была собрана уникальная коллекция антиквариата, специально для иностранных гостей. Поздним вечером, когда музей закрылся и охранник остался только в вестибюле, преступник забрался на карниз здания и подобрался к окнам демонстрационного зала. Алмазом разрезав стекло, он с помощью пластыря бесшумно выдавил его и проник внутрь. Сложив драгоценности в мешок (на сумму в 330 тысяч рублей), грабитель перекинул его через плечо и удалился тем же способом, каким и пришел. Спустившись вниз, он зашел в подвал, сменил там всю одежду и обувь и был таков.

Пропажу обнаружили только утром следующего дня. Создали следственную бригаду. И вскоре вышли на преступника. В этом сыщикам помог клей, которым был обмазан пластырь. Он был самодельным, сваренным из картофельного крахмала, пшеничной муки и столярного клея. Сыщик Алексей Кошелев (в 1951 году он возглавит МУР) нашел в архивах дело десятилетней давности, в котором использовался точно такой же клей. Так было установлено имя грабителя, проживавшего тогда на Украине.

Не менее громким было и ограбление крупнейшего магазина в Москве «Меха», что на углу Столешникова переулка и Большой Дмитровки. Случилось это летом 1928 года. Преступники проявили чудеса изобретательности и не стали вскрывать замки или ломать витрины. Они прорыли подкоп в подвал магазина из соседней котельной и унесли мехов на сумму 22 тысячи рублей.

Это дело взяла в свое производство единственная женщина-следователь в МУРе — Екатерина Максимова. Подкоп был уникальным в своем роде. Ранее такого никогда еще не случилось. Сделать это мог только технически грамотный человек. Удача же пришла к сыщикам неожиданно.

На одной из «малин» муровцы арестовали мужчину с забинтованными руками. Тот объяснил, что поранил руки в драке. Однако сыщики решили по-другому и предположили, что руки тот мог поранить во время подкопа.

Между тем арестованный, находясь в тюрьме, не выдержал и решил дать весточку своим друзьям. Через освобождаемого из заключения мужчину он отправил на волю записку. Но муровцы были начеку. Так был установлен адрес подельников арестованного. Там проживал Станислав Швабе, как оказалось, сын бывшего начальника московской сыскальной полиции и главный организатор ограбления магазина.

Тем временем — хоть и не так часто, как десять лет назад — в Москве продолжали иногда греметь бандитские выстрелы. Зимой 1929 года в Бобровом переулке был убит выстрелом из пистолета кассир района Фролов. Преступник похитил у него чемодан с 28 тысячами рублей. Столь дерзкое и жестокое преступление подняло на ноги буквально весь МУР. Сыщики работали не покладая рук и вскоре задержали грабителей. Ими оказались некие Маргеладзе и Шмидт. Последний и был главным инициатором преступления. К этой акции они готовились два месяца, тщательно изучали маршрут движения Фролова, его привычки. Достав наконец револьвер, бандиты решили осуществить задуманное. Суд приговорил их к расстрелу.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

*Борьба с бандитизмом. Дело А. Харитоновой. МГБ против МВД.
Лжеполковник Н. Павленко. Дело Мосминводторга*

Великая Отечественная война сплотила всех, кому дороги были свобода и честь Отечества. Даже преступники готовы были бить врага до победного конца. Генерал К. Рокоссовский, до войны сам познавший ужас тюремных застенков, обратился к И. Сталину с предложением сформировать из уголовников специальные подразделения для борьбы с фашистами. Сталин дал добро. Штрафбаты создали летом 1942 года, и они буквально наводили ужас на врага. Правда, и потери в этих подразделениях были огромны. Используемые в виде «пушечного мяса», уголовники чуть ли не голыми руками воевали с врагом, рискуя получить пулю и от немцев — в грудь, и от своих — в спину.

Однако отметим, что участие некоторых уголовников в войне в скором времени расколело надвое преступный мир страны. Получившие оружие из рук власти («ссучившиеся») уголовники по старым воровским понятиям предавали главную идею блатного мира — не идти ни на какие сделки с государством. Впереди теперь маячила долгая и жестокая «сучья» война.

С самого начала войны уголовному розыску страны пришлось столкнуться с новыми видами преступлений: дезертирством, мародерством, распространением провокационных слухов. Московский уголовный розыск в годы войны возглавляли два человека: комиссары милиции 3-го ранга К. Рудин и А. Урусов. Авторитет МУРа и в годы войны оставался на том же высоком уровне, что и прежде. Когда в начале 1942 года волна бандитизма захлестнула Среднюю Азию, включая города Ташкент, Фрунзе, Алма-Ату, Джамбул, Чимкент и др., ГКС НКВД СССР командировал в Ташкент бригаду Главного управления милиции во главе с начальником отдела уголовного розыска по раскрытию опасных преступлений Александром Михайловичем Овчинниковым. Почти месяц эта бригада помогала ташкентским сыщикам обезвредить ряд крупных вооруженных банд в городе и окрестностях. С пойманными бандитами особо не церемонились — просто ставили к стенке.

Москва тогда помогала не только людьми, но и советом. 3 сентября 1942 года в органы милиции на местах был направ-

лен обзор опыта борьбы с преступностью в стране за первый год войны. Он содержал не только анализ состояния преступности, но и разбор тактики, применяемой преступниками в условиях военного времени.

В 1943 году к руководству уголовным розыском страны пришел упоминавшийся нами ранее А. М. Овчинников, один из лучших сыщиков того времени. Уроженец Пермской области, А. Овчинников начинал свою карьеру в милиции с должности участкового инспектора в Кунгуре. Затем там же он был начальником милицейского конного резерва. В 1938 году он стал начальником городской милиции Свердловска. Перед войной работал в НКВД Армении. С января 1941 года — в ГУУР НКВД СССР.

Став главным сыщиком страны, Овчинников собрал под своим крылом лучших специалистов розыска дела. Он перевел к себе из МУРа Николая Осипова, участвовавшего в раскрытии в декабре 1936 года в Мелекесе убийства депутата Марии Прониной. В ГУУР были также переведены: начальник угро Казахстана Иосиф Татаринев и начальник угро Красноярского края Михаил Титаренко (в 1949 году именно он сменил А. Овчинникова на посту начальника ГУУР).

Преступность в Москве военных лет была по тем временам довольно высокой. Грабили квартиры, убивали людей (благо с оружием теперь не было проблем), «чистили» магазины и склады железнодорожных орсов. Значные места Москвы буквально кишели блатным людом. Самыми криминогенными местами считались Марьино Роцца и особенно Тишинский рынок. Как вспоминал писатель Эдуард Хруцкий, «перед кровавыми подвигами Тишинки бледнела слава Марьиной Роцци, Вахрущенки и Даниловской заставы. Я по сей день помню это пугающее скопище человеческой нечисти. На территории этой была своя иерархия и даже некая «форменная одежда».

Ниже всех стояли уголовные солдаты-огольцы. Они ходили в синих кепках-малокозырьках, в скомканных «в гармошку» хромовых сапогах, и белый шарф на шее, и, конечно, золотой зуб-фикса. Для нас, мальчишек, они были особенно опасны: могли запросто отобрать продовольственные карточки, если тебя родители послали в магазин, снять шапку, отнять билеты в кино. Они шныряли по рынку, выполняя указания «солидняков». Местного ворья...»

В конце войны, в ноябре 1944 года, силами ГБ и московской милиции, с привлечением значительных армейских сил на Тишинском рынке была устроена грандиозная облава. По словам все того же Э. Хруцкого, «после нее разбежались, сги-

нули огольцы, исчезли мордатые спекулянты, залегли на дно воры в законе. Карательная машина государства, имевшего уникальный опыт массовых посадок, сработала безукоризненно. После этой облавы мы еще долго находили в проходных дворах деньги, финки, кастеты и даже пистолеты... С массовым бандитизмом в Москве было покончено за полгода.

Брали всех. Бандитов ставили к стенке или отправляли на Север, а тех, кто, возможно, сталкивался с ними случайно, забирали по статье 59-3 как бандпособников...»

Война высвечивала как лучшие, так и худшие качества людей. Были и тогда среди преступников свои «монстры». И даже женщины, в частности, москвичка, некая Анастасия Харитонова. Ее уголовное дело стало одним из самых громких дел в практике МУРа тех лет.

Семья Харитоновых (муж, жена и двое мальчиков-близнецов — Володя и Витя) жили до войны на Хорошевском шоссе. В 1941 году глава семейства ушел на фронт, а Анастасия Харитонова с детьми эвакуировалась. Мальчикам в тот год было по 7 лет. Вернувшись в 43-м из эвакуации в Москву, Анастасия встретила мужчину, с которым решила создать новую семью. Однако сделать это ей мешали уже подростки. И Харитонова задумала от них избавиться. Поначалу она не решалась выгнать ребят из дома сама и поэтому всеми силами создавала такие ситуации, чтобы они это сделали добровольно. Она била их нещадно за малейшую провинность, морила голодом. Затем, видя, что это не помогает, стала действовать более энергично. Увезя детей в Горький, она оставила их там и приехала в Москву. Но местная милиция вернула мальчиков обратно. Тогда Харитонова увезла сыновей в лес и бросила. К сожалению, мальчики самостоятельно нашли дорогу назад. Развязка в этой жуткой истории наступила в апреле 1944 года.

19 апреля Харитонова сказала детям, что отвезет их в Хотьково к тете Анне. Доехав до станции, все трое отправились пешком к дому родственницы. Когда они шли по мосту над рекой Пажей, Харитонова неожиданно толкнула детей в воду. Не умея плавать, оба мальчика утонули. Харитонова вернулась в Москву и сообщила соседям, будто дети остались у сестры. Однако та через несколько дней приехала в Москву, и соседи заинтересовались здоровьем мальчиков. Анна ответила, что не видела детей больше месяца и их к ней никто не привозил. Почуввав неладное, соседи сообщили обо всем в милицию. После нескольких изнурительных допросов Харитонова созналась в убийстве детей. Суд приговорил ее к длительному тю-

ремному заключению, так как закон тогда не позволял ее расстрелять.

9 июля 1945 года народный комиссар внутренних дел СССР Лаврентий Берия был удостоен высокого звания Маршала Советского Союза за самоотверженную работу на благо Родины в годы Великой Отечественной войны. Через пять месяцев после этого, 29 декабря, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении Л. Берии с поста наркома. По личному распоряжению И. Сталина Берия отныне должен был целиком сосредоточиться на работе в Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркоме СССР.

Первоначально Л. Берия продолжал курировать систему правоохранительных органов в стране, но уже в 1946 году в связи с усилением позиций А. Жданова эти функции у него были отобраны, он сохранил за собой лишь контроль за Комиссией по атомной энергии. Пошатнулись связи Берии и в самом МГБ, куда в 1946 году вместо давнего друга В. Меркулова председателем пришел Виктор Абакумов, в свое время арестованный Берией, но в 1940 году ушедший из-под его опеки в Управление особых отделов РККА. И только в МВД СССР министром оставался Сергей Круглов, имевший с Берией тесную рабочую связь с ноября 1938 года, когда 31-летний С. Круглов пришел служить в НКВД под начало только что назначенного на пост наркома Берии. Теперь, в 1945 году, С. Круглов сменил своего патрона в кресле наркома, и именно на его долю выпала обязанность существенно перестроить органы внутренних дел страны в послевоенный период.

Так как борьба с преступностью в первые послевоенные годы значительно осложнялась массовой миграцией населения — возвращающихся из эвакуации, демобилизованных, репатриантов, — то в этих условиях первостепенное значение имели все направления деятельности милиции: охрана прав и интересов граждан; предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; борьба с расхитителями, спекулянтами и взяточниками; борьба с детской беспризорностью; обеспечение безопасности дорожного движения; соблюдение требований паспортной и разрешительной систем.

В 1946 году серьезной реорганизации подвергся уголовный розыск страны. Отдел уголовного розыска Главного управления милиции МВД СССР был преобразован в Управление уголовного розыска (УУР), деятельность которого стала строиться по территориальному принципу. На УУР возлагалась задача организации борьбы со всеми видами уголов-

ных преступлений на всей территории СССР. Начальником УУР оставался А. М. Овчинников.

МУР в первые послевоенные годы возглавлял Иван Васильевич Парфентьев, начальник строгий и сыщик, как говорится, от Бога. Оперативных работников он подбирал себе так, как не каждый мужчина подбирает себе жену.

Реорганизация коснулась тогда и отдела БХСС Главного управления милиции МВД СССР. В 1947 году этот отдел был преобразован в Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией.

В августе 1947 года реорганизации подверглись подразделения милиции Москвы, столиц союзных республик, Ленинграда, а также Архангельска, Мурманска и Владивостока: они организовывались по войсковому принципу и на них распространялись уставы Советской Армии.

В феврале 1948 года в составе Главного управления милиции МВД СССР и при республиканских, краевых и областных УМВД появились следственные отделы, основной задачей которых стало расследование уголовных дел, возбуждаемых оперативными отделами милиции.

Между тем давнее соперничество органов МВД и МГБ в 1949 году вылилось в то, что МГБ вновь поглотило советскую милицию, подчинив ее себе, как это уже было в 1930 году. Теперь Главное управление милиции МГБ СССР состояло из трех управлений: управления милицейской службы, на которое возлагались функции охраны общественного порядка и общественной безопасности, а также проведение административных мероприятий по исполнению законов и распоряжений центральных и местных органов власти; управления по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией; управления уголовного сыска (так тогда именовался уголовный розыск). Кроме того, был создан ряд отделов по видам деятельности милиции.

Преобразовав центральный аппарат милиции, МГБ упразднило как не оправдавший себя зональный принцип руководства местными органами сыска, введя линейный (по видам преступлений). Теперь при республиканских, краевых и областных управлениях милиции были образованы учетно-регистрационные отделы, ведавшие статистикой.

Переподчинение милиции столь мощному ведомству, каким являлось МГБ, конечно, сыграло свою положительную роль, но все же не смогло снять всех проблем.

Даже в годы знаменитого сталинского порядка не переводились на Руси уникальные преступники. Одним из таких

был Николай Павленко. Встречавшийся с ним сорок лет назад следователь союзной прокуратуры Сергей Михайлович Громов рассказывал: «О деле Павленко нигде публично не упоминалось. На мой взгляд, оно поучительно. Бытует мнение, что только в последние десятилетия появились крупные аферисты и мошенники. К сожалению, были они и раньше, в сталинские времена «высоких нравов». Мне довелось заниматься делами всех категорий. Это убийства, бандитизм, украинские нацисты, крупные хищения, взяточничество лиц, занимавших высокое служебное положение. Но уголовное дело по обвинению Павленко — единственное в своем роде.

В ноябре 1952 года была разоблачена и ликвидирована преступная вооруженная организация, действовавшая на протяжении 10 лет.

Ее создал в марте 1942 года, в тяжелый период Великой Отечественной войны, некий Павленко Н. М., который дезертировал из воинской части, направляемой на фронт, и через некоторое время сколотил и возглавил лжевоенно-строительную организацию под вымышленным наименованием УВР-2 (Управление военных работ). Под ее крышу он собрал дезертиров, судимых ранее людей, своих родственников и приятелей. Павленко и его сообщники, воспользовавшись ротозейством и беспечностью командиров отдельных воинских частей, обманывая и подкупая тыловиков, смогли обмундировать личный состав «своей воинской части» в форму солдат, сержантов и офицеров Советской Армии, вооружить их и, находясь в тылах действующих войск, занялись массовыми хищениями и грабежами государственного, а также трофейного имущества на территориях, освобождаемых от врага. Этот поход сопровождался бесчинствами и даже самовольными расстрелами. По существу, УВР-2 представляло собой вооруженную банду.

После окончания войны Павленко разделил значительную часть награбленного имущества между своими «однополчанами», щедро наградил их через командование других частей орденами и медалями, многих «бойцов» снабдил различными подложными документами и фиктивно демобилизовал.

Как ни парадоксально, Павленко со своей лжевоинской частью дошел почти до Берлина. Подкупив некоторых должностных лиц из числа военных комендантов в немецких городах, добился выделения для них железнодорожных вагонов и беспрепятственно вывез все награбленное имущество летом 1945 года.

После так называемой демобилизации Павленко и его сообщники создали в Калининне артель «Пландорстрой». Он стал ее председателем. Вскоре, расхитив свыше 300 тысяч рублей кооперативных денег, из Калининна скрылся, а в марте 1948 года, используя сохранившиеся у него фиктивную печать и бланки УВР-2, возродил свою организацию. Теперь уже под названием УВС (Управление военного строительства).

Основным способом массовых хищений государственных средств было заключение разного рода договоров на дорожно-строительные работы, фактически выполнявшиеся наемными рабочими и колхозниками, вовлеченными в эту организацию обманным путем и не подозревавшими о ее подлинном характере и целях.

До разоблачения в 1952 году Павленко и другие участники УВС, используя открытый счет в Госбанке, из сумм, выплачиваемых разными организациями за выполненные дорожно-строительные работы, расхитили свыше 30 миллионов рублей.

Павленко дезертировал из армии в звании воентехника 1-го ранга, а в последующие годы присвоил себе звание полковника. Маскировка созданной Павленко организации под воинскую часть способствовала уклонению от финансового и иного государственного контроля за ее деятельностью. В то же время наличие вооруженной охраны на объектах УВР-2 и УВС исключало проникновение на них представителей местных властей.

С целью конспирации в «части» была создана и так называемая контрразведка, начальником которой был один из главварей УВС Константинов (Константинер), выдававший себя за майора. Кроме него, носил форму инженер-майора Допкин, «начальник снабжения», в званиях офицеров ходили и некоторые другие участники этой преступной организации: Завада, Фелимонов, Щеголев и другие.

Документально установлено, что Павленко и его сообщники по разного рода липовым представлениям получили свыше 230 орденов и медалей Советского Союза.

В ноябре 1952 года, в момент ликвидации УВС, ее участники располагались в Киевской, Одесской, Запорожской, Днепропетровской, Харьковской, Могилевской областях, на территории Молдавии и Эстонии. В «штате» этой лжевоинской части числилось свыше 300 «бойцов», из них 50 вооруженная охрана. При ликвидации было конфисковано 3 ручных пулемета, 21 винтовка и карабин, 8 автоматов, 18 пистолетов и револьверов, 5 ручных гранат и свыше 3 тысяч боевых патро-

нов. УВС располагало и автотехникой легковыми автомобилями, грузовиками, тракторами, экскаватором. Кроме того, у «руководства» в достатке имелось фиктивных гербовых и других печатей и штампов, бланков, справок...

Павленко и другие были осуждены по приговору военного трибунала Московского военного округа. Сам «полковник» получил высшую меру наказания...»

Так что, как это ни покажется странным, но, оказывается, и во времена железного сталинского порядка могли десятилетиями безнаказанно обдывать свои дела преступные группировки типа УВС. Судя же по воспоминаниям бывалых следователей, многие из нынешних громких преступлений были известны и полстолетия назад. К примеру, в конце 40-х годов много шума наделало так называемое дело Мосминводторга. Эта организация содержала в Москве павильоны, где продавались в розлив пиво и водка. Служба в этих павильонах была настолько прибыльной, что, для того чтобы устроиться на нее, требовалось «отстегнуть» начальникам 15 тысяч рублей, а эта сумма тогда равнялась шестидесяти месячным стипендиям студента-отличника МГУ. Место же руководителя павильона оценивалось в два раза выше. Зато, устроившись в павильон или палатку, можно было с помощью элементарного недолива возместить затраты в течение одного месяца. И все оставались довольны. Продавец получал свою долю левого навару, инспектора — свою, даже районное отделение милиции было не в обиде на торг, имея свой процент от левых денег.

И вот в конце 40-х годов директора торгового Федунова все-таки взяли. Тогда этот арест навел страху на московских барыг, правда, ненадолго. Вскоре, используя связи в Секретариате Президиума Верховного Совета СССР, Федунов был помилован и вышел на свободу. Так что система взяточничества прекрасно себя чувствовала и при Сталине. В 1950 году в Верховном суде РСФСР на взятках «погорели» несколько членов суда и консультантов. Секретарь Военной коллегии некто Буканов за деньги подписывал для преступников различные ходатайства с указанием своей немаленькой должности, и последние прикрывались этими бумагами как щитом.

Тогда же, в 40-х годах, в стране появились и первые так называемые «цеховики», владельцы подпольных цехов, где выпускалась «левая» продукция. Об этом делится своими воспоминаниями полковник юстиции в отставке А.Лискин: «И в те времена было немало людей, обуреваемых страстью легкой наживы. Однако в рамках тогдашней хозяйственной инфраструктуры и уголовного права гражданам СССР заниматься

частным предпринимательством не дозволялось под страхом уголовного наказания. Тем не менее находились и такие, кто создавал дугие артели, подпольные цеха в колхозах и совхозах и «гнал» незамысловатый, но имевший спрос ширпотреб: плащи, свитера, кофты, чулки, носки...

Они воровали, так как никаких фондов у частников не имелось. Чтобы делать «левый» товар, скажем, бытовую резинку, они порой под официальным лозунгом об экономии на производстве сырья и материалов «совершенствовали» ее изготовление на государственной фабрике. Из семи жилков, скажем, оставляли пять, а две умыкали на подпольное производство...

Были продуманы как каналы сбыта, так и система отмывания «грязных» денег. Например, преступники находили людей, выигравших крупные суммы по займам и дорогие предметы по денежно-вещевым лотереям. Подпольные миллионеры оплачивали таким счастливицам их выигрыши двойными, а то и тройными суммами.

Однако в этих хитросплетениях, особенно при дележе добычи, возникали обострения из-за объегоривания друг друга. Но в те годы никаких разборок с применением паяльных ламп, электротока, удавок, пальбы из пистолетов и привлечения наемных убийц тенивики не применяли. По взаимному согласию дельцы подбирали трех, с их точки зрения, наиболее уважаемых и мудрых старцев, которых и приглашали выступить в роли третейских судей».

Таким образом, корни отечественной организованной преступности следует искать в той командно-административной системе, что действовала еще при Сталине. Ведь сложившийся порядок управления обществом и хозяйством не мог существовать без теневой экономики, которая являлась не чем иным, как передаточным звеном между организованной преступностью и советской бюрократической системой. Другое дело, что, зная о существовании рядом с собой теневой экономики, официальная власть не давала ей возможности сильно укрепиться и расшириться и с помощью штыка раз от раза проводила профилактические мероприятия по ликвидации особо зарвавшихся тенивиков. В ноябре 1952 года очередь дошла, например, до Н. Павленко. Отметим, что суммы ущерба, который наносили шайки бандитов в то время, не шли ни в какое сравнение с тем, что происходит сегодня. Специалист по организованной преступности в СССР Александр Гуров (о нем еще пойдет речь впереди), изучив в Мосгорсуде дела 40 бандитских групп, разоблаченных за период с 1946 по 1959 год, выяснил, что их «подвиги» куда скромнее, чем дела нынешних

бандитов. Одна тогдашняя банда из 17 человек, занимавшаяся хищениями, причинила убыток на сумму в 3 тысячи рублей, что, по новому исчислению, равняется сумме... в 300 рублей.

В последний раз возвращаясь к имени Н. Павленко, отметим, что его «бойцы» так и не произвели в сторону законной власти ни одного выстрела. Может быть, поэтому именем этого великого расхитителя социалистической собственности в те годы сердобольные родители не пугали своих детишек и имя его не склонялось все среди простых сограждан в очередях и на коммунальных кухнях. Зато про всяких «черных кошек» люди судачили не переставая. Хотя на самом деле московская банда «Черная кошка» была всего лишь молодежной хулиганской группировкой. В нее входили ребята 10 — 12 лет, основным занятием их был грабеж уличных палаток, в которых продавались так нужные подросткам папиросы и конфеты. Обчистив вечером палатку, ребята на прощание малевали на ее стенах силуэт черной кошки.

Однако в отличие от «Черной кошки» в Москве того времени действовали и настоящие вооруженные банды, подобные банде Горбатого из знаменитого произведения братьев Вайнеров.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ СССР. Банды 50-х

*Банда Америки. Банда И. Митина. Арест Л. Берши.
Создание КГБ. Чистки в МВД. Борьба с преступностью.
Упразднение МВД СССР.*

15 апреля 1949 года в Московский финансовый институт кассиры Тимакова и Никитина привезли 258 тысяч рублей зарплаты. В шесть часов вечера, когда кассиры вошли в вестибюль института, к ним приблизился молодой человек и тремя выстрелами из пистолета уложил наповал. Схватив мешок с деньгами, он выскочил на улицу и, сев в поджидавшую его у входа «победу», скрылся с места происшествия. Этим убийцей и грабителем оказался 25-летний Павел Андреев, в уголовной среде известный под экстравагантной кличкой Америка, предводитель банды из 14 человек. Эта банда долгое время занималась вооруженными налетами на магазины и кассы Подмосковья. Но деньги, добываемые бандой после подобных налетов, были не столь большими и проедались, пропивались ее участниками в считанные недели.

Америка же мечтал о солидном куше, причем делиться ни с кем не хотел. Поэтому когда в один из апрельских дней 1949 года в ресторане «Звездочка», что на Преображенке, к нему за столик подсел неизвестный и предложил без особых хлопот «взять» кассу финансового института, Америка сразу согласился, чем и поставил финальную точку в своей бандитской карьере. В машине, брошенной налетчиками на Башиловке, сотрудники МУРа нашли «пальчики» Америки, и с этого момента судьба его была предрешена. Но так как Павел Андреев теперь проживал по подложным документам не у родителей, а в отдельной комнате в Сокольниках, достать его муровцам удалось не сразу. Лишь после того, как в далекой от Москвы Казани агент угрозыска по кличке Брюнет вывел своих товарищей на изготовителей фальшивых документов и оттуда ниточка протянулась в Москву, муровцы установили наконец, под какой фамилией нынче скрывается Америка. Было установлено, что Павел Андреев теперь является Никитиным и числится художником-модельщиком в Производственном комбинате МОСХа. 20 мая 1949 года в Сокольниках на квартире Америки сотрудники МУРа арестовали почти всю банду. Так и не сумел Павел Андреев вдоволь погулять на ворованные деньги, получив по суду 25 лет отсидки.

Не успело стихнуть эхо суда над бандой Америки, как Москва вновь содрогнулась от страха перед бандитскими налетами. 26 марта 1950 года трое налетчиков, представившись ни много ни мало сотрудниками МГБ, ворвались в промтоварный магазин в Тимирязевском районе и «обчистили» его кассу на 68 тысяч рублей. Пораженные такой наглостью, московские чекисты попытались по горячим следам сесть банде на «хвост», но та на некоторое время «легла на дно» и легко избежала всех неприятностей.

После того как страсти вокруг дерзкого налета несколько улеглись, банда вновь дала о себе знать. 16 ноября 1950 года ею был ограблен магазин водного бассейна на 24,5 тысячи рублей, а 10 декабря — промтоварный магазин в Кутузовской слободе на 62 тысячи рублей. Столь солидный куш (почти 90 тысяч рублей) и дерзость банды заставили заговорить о ней всю Москву и округу. Сыщики из МГБ и МУРа буквально сбились с ног в поисках неуловимых налетчиков. По свидетельским показаниям, верховодил у них высокий белобрысый парень в коричневом кожаном пальто. На правом плече пальто кожа была вырвана треугольным клочком, а затем аккуратно зашита. Вооружен белобрысый двумя пистолетами, один из них — «ТТ». Второй преступник был низкого роста, в телогрейке, он обычно складывал в сумку все наворованные деньги. В описаниях третьего преступника свидетели путались.

Однако, даже несмотря на описание двух бандитов, сыщики так и не могли выйти на них через своих информаторов в преступной среде. Судя по всему, налетчики не имели никакого отношения к уголовному миру. Это значительно усложняло поиски.

В МУРе были созданы две оперативные группы: одна, во главе с полковником Семеном Дегтяревым, занималась розысками бандитов в Москве, другая, во главе с Игорем Скоринным, прочесывала область. От Москвы операцию курировал А. М. Овчинников, от области — начальник областного угро Андрей Холомин.

Между тем преступники, чувствуя свою безнаказанность и дуря от легких денег, стали действовать наглее и безжалостнее. 1 февраля 1951 года возле одного из промтоварных магазинов в Ховрине ими были убит оперуполномоченный местного отдела милиции Кочкин. 11 марта та же участь постигла и лейтенанта милиции Бирюкова. Вместе с последним шальные пули бандитов сразили наповал и двух случайных свидетелей — мастера одного из московских заводов и женщину.

Эти убийства среди бела дня настолько всколыхнули Москву, что партийные власти не могли оставить их безнаказанными. Первый секретарь МК ВКП(б) Никита Хрущев собрал у себя все руководство столичной и областной милиции и поставил вопрос ребром: либо вы ловите банду, либо каждый из вас ответит перед партией своей карьерой. В доказательство серьезности своих слов Хрущев тут же публично снял с должности и арестовал начальников двух райотделов милиции — Тимирязевского и Химкинского.

Но даже столь крутой разговор в кабинете главного партийного руководителя Москвы не исправил положение в лучшую сторону. Банда по-прежнему была неуловима. Продолжали звучать выстрелы и лилась невинная кровь. До февраля 1953 года (то есть в течение последующих 23 месяцев) преступники успели совершить еще 15 вооруженных налетов, убить одного (в общей сложности — трех) милиционера и пятерых гражданских лиц и награбить денег на сумму 292 тысячи 500 рублей. И кто знает, сколь долгим оказался бы кровавый путь этой неуловимой банды, если бы не секретный агент милиции по кличке Мишин. Именно ему выпала участь быть внедренным в эту банду, которую взяли ранним февральским утром 1953 года. В нее входили четыре человека, а возглавлял ее мастер одного из заводов в Красногорске 26-летний Иван Митин. Эта преступная группировка, наводившая ужас на Москву и область в течение почти трех лет, была уникальна прежде всего тем, что члены ее были вполне добропорядочными гражданами, числились передовиками производства и не имели никаких уголовных контактов. Последнее обстоятельство и позволяло ей просуществовать столь долгое время и путать все карты московским сыщикам. Главарь банды Митин чуть ли не под страхом смерти запретил своим подельникам «светиться» с награбленным в злочных местах столицы, и никто из них не посмел его послушаться.

И все же сколько веревочке ни виться, но на каждого Горбатого находилась свой Шарапов и на каждого Митина — свой Мишин.

В дни, когда банда Митина содержалась в тюрьме Лефортово, на даче в Кунцево 5 марта 1953 года скончался Иосиф Сталин. Смерть его повергла в уныние миллионы людей, но только не его ближайших соратников из кремлевского руководства. Один из выдающихся деятелей коммунистической системы Лаврентий Берия начал свое новое и последнее стремительное восхождение к вершинам государственного руководства.

Для того чтобы вернуть себя к руководству силовыми министерствами (МГБ и МВД), ему понадобилось всего 10 дней. 15 марта 1953 года Л. Берия в четвертый раз за советскую историю объединяет МГБ СССР и МВД СССР в одно министерство и становится министром внутренних дел Союза. Его рвение в те дни, кажется, не знает никакого предела. Отстраненный в 1945 году от фактического руководства карательными органами, Берия теперь стремится наверстать упущенное. «Я прекратил ежовщину, — заявил он тогда. — Теперь я прекращу и игнатовщину!»

Семен Игнатьев, кадровый партийный работник, в июле 1951 года был направлен Сталиным для руководства МГБ, одновременно занимая должность заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б). Встав во главе МГБ, С. Игнатьев сделал все от него зависящее, чтобы усилить партийный диктат над органами госбезопасности. Сотни партийных чиновников пришли в МГБ, вытесняя оттуда чекистов-профессионалов.

Став в марте 1953 года министром внутренних дел, Берия запустил колесо в обратную сторону. Полностью игнорируя прежний порядок назначения на руководящие посты (когда для этого требовалось согласие ЦК ВКП(б)), Берия стал целенаправленно удалять из МВД всех работников, прибывших из партийных органов.

На следующий день после своего назначения на пост министра Берия направляет секретарю ЦК КПСС Н. Хрущеву документ следующего содержания: «ЦК КПСС. Тов. Хрущеву Н. С. В связи с объединением органов бывшего МГБ и МВД прошу утвердить министрами внутренних дел республик, начальниками краевых и областных управлений МВД (далее следуют 892 фамилии генералов и полковников с указанием должностей, на которые они назначаются). В дальнейшем может оказаться необходимым сделать некоторые изменения в этом составе, независимо от этого представляемых товарищей необходимо утвердить. Л. Берия».

На должность начальника Главного управления милиции МВД СССР в том списке рекомендовался 52-летний кадровый чекист (в течение последних 10 лет он возглавлял пограничные войска страны) Николай Стаханов.

Реорганизационная деятельность Л.Берии на посту министра внутренних дел продолжала набирать свои обороты. В том же марте 53-го Берия вывел из подчинения МВД строительные главки, а ГУЛАГ передал Министерству юстиции. В своем министерстве Берия оставил лишь оперативный аппарат.

На шестой день после своего назначения Берия вошел в Совет Министров СССР с предложением прекратить строительство 20 крупных объектов (строительство гидротехнических сооружений, железных, шоссейных дорог и предприятий). 24 марта Берия пишет записку в Президиум ЦК КПСС с предложением провести в местах заключения амнистию среди осужденных, которые не представляют для населения особой опасности, получивших за свои преступления срок до 5 лет, осужденных независимо от срока наказания за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления, женщин, имеющих детей до 10 лет, беременных женщин, несовершеннолетних в возрасте до 18 лет, пожилых мужчин и женщин, а также больных.

Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии был принят 27 марта 1953 года, и согласно ему подлежали освобождению из лагерей и тюрем 1 181 264 человека из 2,5 миллиона осужденных.

Но эта широкомасштабная амнистия, затеянная Берией в целях поднятия собственного престижа, проводилась в жизнь бездарно. В результате преступной халатности многих начальников лагерей и тюрем на волю были выпущены сотни опасных преступников. И в связи с тем, что паспортные ограничения были сняты в 340 городах Союза (кроме Москвы, Ленинграда, Кронштадта, Севастополя и Владивостока), криминальная обстановка в стране резко обострилась. Многие города страны в буквальном смысле слова перешли на режим чрезвычайного положения. Даже в Москве было неспокойно. Сотрудники МУРа работали круглосуточно, отлучаясь домой лишь на несколько часов. Почти все сыщики работали на улицах города, опытным глазом определяя блатных. К осени вал преступности, захлестнувший столицу, был сбит.

Тем временем в апреле 1953 года либеральная политика нового министра внутренних дел продолжилась. Было закрыто «дело врачей», а в июне, по предложению Берии, Президиум ЦК КПСС ограничил права Особого Совещания при министре внутренних дел.

Как это ни парадоксально звучит в наше время, но именно Л. Берия, гораздо раньше Н. Хрущева, стоял у истоков десталинизации советского общества, способствуя тому, чтобы имя Сталина постепенно исчезало со страниц массовой печати. Если в апреле и мае в передовых статьях «Правды» все еще встречалось имя «вождя всех народов», то за период с конца мая до конца июня 1953 года (то есть до ареста Берии) на Сталина была лишь Одна ссылка. Но после ареста минист-

ра МВД имя Сталина только за первую неделю июля было названо 12 раз.

В бюллетене «Радио Свобода» в январе 1972 года на эту тему писалось: «Берия, вероятно, понимал яснее и дальновиднее, чем его сотрудники в Президиуме ЦК, что вся эта (сталинская) система так или иначе обречена и что лучше всего взять инициативу в свои руки и опрокинуть эту систему. Но даже в таком случае можно сказать с уверенностью, что Берия не мог сам начать в 1953 году процесс десталинизации... По многим причинам можно предположить, что Маленков стоял на более умеренном, либеральном крыле партии, тогда как Хрущев в то время еще противился десталинизации».

Вернув себе после смерти Сталина реальную, ничем не ограниченную власть, Берия основательно взялся и за перестройку партийных кадров. Его уполномоченные на местах на основе собранного компромата должны были регулярно оповещать своего министра о деятельности партийных органов. Выглядело же это так. Один из уполномоченных, некий Ткаченко, сообщал тогда Берии в Москву: «партийные и советские руководители республики, на наш взгляд, работают мало. Секретарь ЦК ВКП(б) иногда вечерами, как правило, бывает на работе, остальные не работают».

Лично т. Суслов работает мало. Со времени организации бюро ЦК ВКП(б) около половины времени он провел в Москве, в несколько уездов выезжал на 102 дня, днем в рабочее время можно часто застать его за чтением художественной литературы, вечерами (за исключением редких случаев, когда нет съездов или совещаний) на службе бывает редко».

Подобные рапорты шли к Берии весной — летом 1953 года почти из всех республик. Когда же письменных данных ему было мало, он отправлял на места своих помощников с заданием проверить работу партийных и советских органов. В апреле 1953 года с подобным заданием в Литву выехал начальник 4-го управления МВД СССР Сазыкин.

Между тем стремление Берии диктовать партии свои правила не могло не вызвать у его ближайших соратников по кремлевскому руководству обоснованной тревоги. Кстати, подобная же тревога возникнет у членов Президиума ЦК и в 1957 году в связи с действиями маршала Г. Жукова в армии. Поэтому в недрах кремлевского руководства начал постепенно зреть заговор против столь активного министра внутренних дел. Берия же ни о чем не догадывался, считая свои действия вполне законными и обоснованными. Эта беспечность дорого ему обошлась.

15 июня 1953 года по решению Президиума ЦК и Совета Министров СССР Берия был откомандирован в Восточный Берлин, где в это время начались антиправительственные выступления. Ни о чем не подозревая, он соглашается на целых 10 дней покинуть Москву. 25 июня Берия возвращается обратно, а 26 июня во время очередного заседания Президиума ЦК в Кремле его арестовывают. Наиболее активную роль в этом аресте играл маршал Г. Жуков, человек, которого через четыре года после этого самого объявят бонапартистом и снимут с поста министра обороны.

Как указывает официальная советская историография, следствие над Л. Берией и его шестью соратниками по МВД длилось полгода. С 18 по 23 декабря 1953 года в Москве, в Кремле, в зале заседаний Президиума ЦК КПСС, проходил закрытый суд над Берией. В своих ответах судьям бывший министр внутренних дел СССР заявил: «Я должен заявить суду, что врагом народа я не был и не могу быть... Я категорически отрицаю, что все мои действия были направлены к захвату власти. Я скажу так, что особой скромностью я не отличался — это факт. Я действительно влезал в другие отрасли работы, не имеющие ко мне никакого отношения, это тоже верно... то, что я старался себя популяризировать — это было. Что касается моих бонапартистских вывихов, то это неверно...

Прошу вас при вынесении приговора тщательно проанализировать мои действия, не рассматривать меня как контрреволюционера, а применить ко мне те статьи Уголовного кодекса, которые я действительно заслуживаю».

Но Берия напрасно надеялся на снисхождение со стороны своих бывших соратников. Руки всех кремлевских руководителей, судивших его, были обгажены кровью тысяч безвинных жертв не меньше, чем у Берии, но именно Берия должен был стать тем человеком, на которого кремлевское руководство могло списать все свои грехи. Отныне имя Лаврентия Берии должно стать нарицательным, стать символом всего ужасного, что произошло в советской истории.

Между тем Л. Берия стал третьим министром внутренних дел СССР, расстрелянным тем режимом, которому он верой и правдой служил. Причем в отличие от Ягоды и Ежова Берия был наиболее талантливым и одаренным руководителем репрессивной машины, созданной в огромной советской империи Сталиным. Не случайно именно Лаврентий Берия 18 лет оставался рядом со Сталиным, и, хотя последний перед смертью явно утратил доверие к своему земляку, Берия все же су-

мел пережить своего грозного хозяина и даже вновь подняться к вершинам власти.

Как только в июне 1953 года на руках Берии защелкнулись наручники, кресло министра внутренних дел Союза вновь занял Сергей Круглов. И это несмотря на то, что Круглов работал под началом государственного преступника Л. Берии с ноября 1938 года и должен был волей-неволей попасть под подозрение кремлевских руководителей. Однако в тот период режим решал для себя минимальную задачу: ликвидировать опасного претендента на власть Берию и его самых близких соратников из МВД. С. Круглов в этот список тогда не попал и, заняв кресло министра, должен был стабилизировать обстановку в МВД, где в среде ветеранов министерства возникли уже панические настроения в связи с арестом Берии и ожидаемой всеми массовой чисткой. Однако с широкомасштабной реорганизацией МВД кремлевское руководство тогда решило повременить, ограничившись пока выпуском в свет очередных постановлений ЦК с призывами об улучшении работы, искоренении бюрократизма и усилении бдительности. Лишь в марте 1954 года, в очередной раз за советскую историю, органы госбезопасности вывели из системы МВД. Был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР, и председателем его назначен кадровый чекист Иван Серов, свояк набравшего силу и власть Никиты Хрущева. Министром внутренних дел СССР продолжал оставаться Сергей Круглов.

Реорганизация МВД и КГБ в 1954 году оказалась весьма значительной. Отныне два могучих некогда ведомства имели право вести только следствие: МВД — по уголовным делам, КГБ — по делам государственной безопасности. Внутренняя прокуратура обоих ведомств была ликвидирована. Более того, в союзной прокуратуре появился отдел, контролирующей деятельность МВД и КГБ. Все «особые совещания», обладающие ранее правами внесудебной расправы, отменялись.

Если в лице И. Серова Н. Хрущев имел своего человека в КГБ, то в МВД не было столь прочного тыла. Отношения с С. Кругловым у него явно не ладились, но предпринять в 1954 году смещение неугодного министра Хрущев так и не решился. Единственное, на что он пошел осенью 54-го, это вернул из лагеря старого большевика А. Снегова, ввел его в коллегиию МВД и назначил заместителем начальника Политотдела ГУЛАГа.

3 февраля 1955 года наряду с союзным МВД было образовано и МВД РСФСР. Министром нового ведомства стал уже знакомый нам по предыдущему повествованию Николай Ста-

ханов, который в марте 1953 года, еще в бытность министром внутренних дел Л. Берии, был назначен начальником Главного управления милиции и введен в коллегию МВД, а в 1954-м стал первым заместителем С. Круглова.

В структуру нового министерства вошло 7 управлений — милиции, исправительно-трудовых лагерей и колоний, пожарной охраны, службы МПВО, кадров, архивное и хозяйственное, 6 самостоятельных отделов и три других подразделения. Первая коллегия нового министерства собралась 31 мая 1956 года и была посвящена состоянию уголовной преступности в РСФСР. К 1955 году по сравнению с 1954-м преступность в России возросла с 1906 тысяч до 2155 тысяч случаев, или на 13 процентов, а раскрываемость преступлений составила 85,5 процента. Узда, накинутаая когда-то Сталиным на общество, после его смерти несколько ослабла, и преступники не преминули этим воспользоваться. Масштабы эпидемии стало принимать уличное хулиганство. По поводу этого явления на коллегии МВД РСФСР звучали заявления о принятии к хулиганствующим элементам усиленных мер общественного воздействия вплоть до предоставления уличным и домовым комитетам права выносить решение о выселении отдельных лиц из города на определенный срок. Преступность нагнала, а органы внутренних дел России влачили поистине нищенское существование. Например, на весь 1955 год органам внутренних дел России было выделено лишь 56 легковых автомобилей «ГАЗ-69», а 330 поселковых отделений милиции вообще не имели никаких транспортных средств. В таких крупных городах, как Свердловск, Казань, Хабаровск, Новосибирск, Ярославль, Сталинград, не было ни одного телефонизированного поста милиции.

Тем временем по мере укрепления позиций Н. Хрущева на вершине кремлевского Олимпа приближалась к своему логическому завершению и карьера Сергея Крылова на посту министра внутренних дел Союза.

В 1955 году в нескольких городах СССР прошли открытые судебные процессы над соратниками Л. Берии. В Ленинграде перед лицом Фемиды предстал бывший министр союзного МГБ Виктор Абакумов и несколько сотрудников МГБ, повинных в фабрикации летом 1949 года так называемого «ленинградского дела». В Тбилиси судили группу сподвижников Л. Берии во главе с бывшим министром МГБ Грузии Рухадзе. В Баку на скамье подсудимых оказался бывший первый секретарь ЦК КП Азербайджана Багиров, давний соратник Берии еще по работе в ВЧК Азербайджана. Эти судебные разбирательст-

ва привлекли внимание сотен тысяч людей. Общество было буквально потрясено столь откровенными разоблачениями преступных деяний некогда такого могущественного ведомства, каким являлось МГБ. Резонанс от этих процессов достиг и ГУЛАГа. К тому времени реабилитация осужденных, начатая еще в 1953 году, шла очень медленно, а за весь 1954 год из мест заключения домой возвратились только 10 тысяч человек, да и то это были бывшие партийные деятели среднего и высшего эшелонов власти. На остальных амнистия почти не распространилась. В результате в лагерях начались бунты, во главе которых стояли уголовники. Один из таких крупных инцидентов произошел в Норильске на шахте «Капитальная». Заключенным удалось нейтрализовать охрану и отнять у нее оружие. Весть об этом дошла до Москвы, и министр внутренних дел СССР С. Круглов поручил своему заместителю генералу Ивану Масленникову любой ценой подавить восстание. Что было сделано самым безжалостным образом, в результате погибли сотни людей. Точно так же было подавлено и восстание в Кенгире.

Проблема ГУЛАГа вкупе с жестокостью, проявленной С. Кругловым, стала основным козырем Н. Хрущева в борьбе с министром внутренних дел СССР. В конце 1955 года в МВД СССР состоялась коллегия министерства, на которой было отмечено: в руководстве министерством допускалась порочная практика, когда в решении крупных, имеющих государственное значение вопросов нарушался принцип коллективного руководства, не учитывалось мнение членов коллегии и руководителей местных органов. Относительно самого министра внутренних дел коллегия отметила, что он не принял во внимание правильные замечания отдельных руководящих работников министерства, указывавших на необходимость установления ограничений при освобождении из лагерей некоторых категорий преступников.

14 — 25 февраля 1956 года в Москве проходил XX съезд КПСС, на котором Н. Хрущев выступил со своим эпохальным докладом «О преодолении культа личности и его последствий». Хрущев окончательно определился в направлении движения общества в сторону демократизации, и в этом движении С. Круглову, как министру внутренних дел, места не оставалось. За несколько дней до начала съезда, а точнее — 6, 8, 10 и 11 февраля, в МВД СССР работала правительственная комиссия, собранная по случаю ухода с министерского поста С. Круглова. Имя нового министра было уже известно — им оказался 49-летний Николай Дудоров, до этого никакого отноше-

ния к правоохранительной системе не имевший. С конца 30-х годов, начав работать на строительных должностях, Н. Дудоров к 1954 году вырос до заведующего Отделом строительства ЦК КПСС. Таким образом, он оказался первым строителем в советской истории, ставшим волею судьбы министром внутренних дел СССР. Ровно через 32 года его путь на этом поприще повторит и Вадим Бакатин.

Тот факт, что для передачи дел в министерстве от одного министра другому создали правительственную комиссию во главе с секретарем ЦК Аверкием Аристовым, было явлением беспрецедентным и указывало на решение Хрущева разделиться с Крутловым одним ударом. Вместе с правительственной комиссией в составе 5 человек образовали еще 6 подкомиссий из работников отдела административных органов ЦК КПСС, Министерства госконтроля СССР, Минюста СССР, Минобороны СССР, Прокуратуры СССР и союзного Минфина.

Вывод авторитетной комиссии был весьма однозначен: «Министерство внутренних дел СССР неудовлетворительно выполняет поставленные перед ним партией и правительством задачи... Бывший министр т. Крутлов, члены коллегии и др. руководящие работники МВД СССР не сделали должных выводов из постановлений ЦК КПСС 1953 года... В работе МВД СССР преобладает канцелярско-бюрократический стиль руководства местными органами МВД. Критика и самокритика в МВД не была развита».

Вспомнили С. Крутлову и недавние бунты в лагерях ГУЛАГа. «ЦК КПСС своими постановлениями от 12 марта и 10 июля 1954 года обязал руководство МВД СССР принять меры к коренному улучшению дела перевоспитания заключенных путем укрепления режима их содержания и приобщения к общественно-полезному труду. Руководство МВД СССР безответственно отнеслось к выполнению этих постановлений, не навело порядка в режиме содержания осужденных в местах заключения, не справилось с задачей правильной организации их трудового воспитания».

Сняв С. Крутлова с поста министра МВД, партия направила его работать в качестве заместителя министра строительства электростанций.

Прослеживая дальше судьбу этого человека, отметим, что эта опала была для него не последней. К августу 1957 года С. Крутлов «скатился» до должности заместителя председателя совнархоза Кировского экономического административного района. Воистину неисповедимы пути Господни. Человек, в июле 1945 года награжденный правительствами Великобри-

тании и США высшими наградами за обеспечение безопасности их делегаций на Потсдамской конференции, через 12 лет после этого отвечал за сохранность совнархозного хозяйства в далеком Кировском районе.

В 1957 году С. Круглов был выведен из кадрового состава МВД. В 1959 году его лишили пенсии от МВД, дачи и выселили из четырехкомнатной квартиры в центре города. 6 января 1960 года Комиссия партийного контроля при ЦК КПСС исключила С. Круглова из партии за участие в деяниях сталинской поры.

И все же эти репрессии не шли ни в какое сравнение с тем, что сделал режим с предшественником Круглова на посту министра МВД — Л. Берией. Хотя четверть века спустя режим также навалится всей своей мощью на министра внутренних дел СССР Николая Щелокова, и тот, не выдержав этого натиска, пустит себе пулю в голову. С. Круглов в отличие от него выдержит, но судьба его не станет от этого менее трагичной. 6 июня 1977 года, находясь за городом, С. Круглов попал под колеса поезда и погиб.

Через месяц после смещения С. Круглова новый министр объявил большой сбор: 15 — 16 марта 1955 года в союзном МВД проходило расширенное заседание, на котором присутствовали министры внутренних дел союзных республик. Н. Дудоров выступил на нем с критической, в духе времени, речью. Он, в частности, сказал: «Органы МВД, особенно милиция и ГУЛАГ и все его звенья, работают настолько плохо, настолько отвратительно плохо, что плохая работа этих органов, да и других звеньев работы МВД создали не особенно хорошую славу МВД в народе. У товарища Микояна, когда беседовали с товарищем Булганиным и товарищем Хрущевым, не только они отзывались плохо, но и простые люди, любые работники, кого ни спросишь, о милиции и некоторых других органах МВД отзываюся очень плохо... Я не буду рассказывать всех недостатков, а назову лишь, на мой взгляд, два наиболее главных недостатка. Первый — органы милиции не ведут настоящей борьбы с преступностью в стране, в результате чего у нас преступники действуют и орудуют в большинстве случаев безнаказанно годами и никаких мер к ним никто не принимает.

Второе — это то, что у нас в органах милиции очень много преступлений совершают сами работники милиции...»

Надо отметить, что критика Н. Дудоровым органов МВД была во многом правильной, престиж этого министерства в народе был не на высоте. Хотя и стремление лягнуть — имен-

но МВД, а не КГБ в те годы начинало прочно закрепляться в нашем обществе, в сознании большинства как высокопоставленных чиновников, так и простых граждан. Через четверть века эта тенденция сыграет с нами злую шутку, поставив органы МВД в положение некоего пасынка, на которого со всех сторон сыплются тумаки за плохое поведение.

Но все это будет потом, а тогда, в конце 50-х годов, в среде руководителей страны созрела идея поднять престиж органов МВД с помощью средств массовой информации. Многие известные деятели культуры включились в этот созидательный процесс.

Взрослое население страны зачитывалось в 1956 году детективом Аркадия Адамова «Дело пестрых», на основе которого кинематографисты оперативно отсняли первый художественный кинодетектив, вышедший на экраны страны в 1958 году. В том же 1956 году на экранах советских кинотеатров начал демонстрироваться фильм «Дело Румянцева», где справедливый полковник милиции Афанасьев (актер Сергей Лукьянов) спасал главного героя от тюрьмы и от опасных преступников. Даже звезда советского кино 50-х годов Леонид Харитонов, сыгравший в двух фильмах солдата Бровкина, в 1958 году превратился в обаятельного милиционера в киноленте с выразительным названием «Улица полна неожиданностей».

Тем временем с целью улучшения работы милиции в новых условиях осенью 1956 года было признано целесообразным реорганизовать управление МВД и управления милиции в областях и краях в единые управления внутренних дел исполнительных комитетов областных (краевых) Советов депутатов трудящихся, а отделы (отделения) милиции в городах и районах преобразовать в отделы (отделения) милиции исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся. Таким образом восстанавливалось двойное подчинение милиции местным Советам и вышестоящим учреждениям МВД.

Между тем бурная и деятельная перестройка в органах внутренних дел страны не могла не вызвать ответной реакции со стороны уголовных авторитетов. Преступный мир страны представлял тогда довольно пестрое зрелище, но основными группировками считались воры в законе (законники) и «отошедшие» (польские воры, или суки).

Группировка «отошедших» возникла во время и после войны, когда в лагерях значительно увеличилось число осужденных за измену Родине, бандитизм и другие тяжкие преступления. Попав в лагерь, эти люди стали объединяться с уголов-

никами, исключенными за всякие нарушения из группировки воров в законе. Отходу от «законников» способствовал и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года об усилении уголовной ответственности за хищения. Этот указ внес существенный раскол в среду воров в законе и ужесточил борьбу за влияние внутри группировки. Многие воры стали требовать пересмотра «устава», за что были немедленно изгнаны из группировки и пополнили ряды «отошедших». Последние были намного гибче по сравнению с принципиальными ворами в законе, и их «устав» разрешал им контактировать с администрацией ИТУ — работать бригадирами, поварами, нарядчиками и т. д. Это значительно облегчало им жизнь, и руководители ИТУ относились к ним благосклоннее, чем к ворами в законе. Эта благосклонность подбрасывала еще больше дров в пожар войны, что бушевала в конце 40-х между ворами в законе и «отошедшими». Война эта получила название «сучьей» и была поистине беспощадной. Если, к примеру, вор в законе случайно во время этапа попадал к «отошедшим», те под страхом смерти заставляли его принять их веру и отречься от «законников». Последние же действовали еще жестче и оставляли врагу только один выбор — нож в сердце.

В результате многие осужденные, не желая примыкать ни к тем ни к другим, создавали свои мелкие группировки типа «Красная шапочка», «Дери-бери» или «Один на льдине».

Серьезные перемены в МВД СССР в середине 50-х годов заставили воров в законе сплотиться еще сильнее, так как теперь стало ясно, что, помимо их вечных врагов — «отошедших», на них всей мощью навалится и новая власть. Так оно и получилось. Как только Н. Дудоров пришел в МВД и разобрался в ситуации, он в том же 1956 году начал борьбу с «законниками». Под Свердловском был создан специальный лагерь, куда согнали почти всех воров в законе. Так как в отличие от «отошедших» они бойкотировали работу в лагерях и тюрьмах, здесь их всех стали заставлять трудиться. Тех, кто отказывался, тут же переводили на голодный паек и до упора морили голодом. Давление на воров было настолько сильным, что кое-кто из них попросту ломался. Таких оказалось девять человек, и все они согласились написать обращение ко всем ворами в законе в СССР с призывом «завязать» со своим прошлым. Вскоре это послание увидело свет, правда, подписи под ним поставили уже семь человек.

К делу перевоспитания воров в законе подключилась вся партийная и государственная пропаганда. Газеты публиковали письма раскаявшихся воров, писатели взялись за написа-

ние нужных в этом плане книг (Ю. Герман), кинематографисты начали снимать антиволевские фильмы. Ярким примером подобного кинематографа может служить кинолента «Верьте мне, люди!» (1965 г.), в которой в роли раскаявшегося вора в законе снялся будущий кино-Ленин Кирилл Лавров.

Одним из эпизодов этой кампании явились и события начала 1959 года. Тогда, во время отдыха Н. Хрущева в Крыму, ему на стол легло письмо от одного вора-рецидивиста, четырёхжды судимого. В этом письме он обращался к главе государства со следующими словами: «Начать свою старую преступную жизнь я не могу и не могу вернуться к семье, так как бросил ее без денег и в долгах. За пять лет, как я уехал, я не совершил ни одного преступления.

Я не боюсь ответственности и прошу Вас ответить советом, как мне быть. Я буду ждать ежедневно в течение этого времени, как только у меня хватит силы воли, буду ждать беседы с Вами. Если сочтете нужным меня арестовать, я и с этим согласен...»

Получив это письмо, Н. Хрущев пригласил автора к себе. Их встреча состоялась через несколько дней и была, можно сказать, исторической. Глава государства, выслушав горести бывшего вора, пообещал ему помочь. Хрущев, в частности, сказал: «Я позвоню секретарю горкома партии, попрошу его, чтобы обратили внимание на вас, устроили на работу, помогли бы приобрести квалификацию... Вам дадут кредит, чтобы вы построили себе домик, или же попрошу, если есть возможность, чтобы вам дали квартиру, и тогда вы будете платить меньше...»

Как глава государства сказал, так, естественно, все и было сделано. Бывшего вора приняли на работу, он получил новую квартиру.

В конце мая 1959 года об этом случае Н. Хрущев рассказал участникам Третьего съезда писателей СССР. А уже через три недели в ЦК КПСС родилась записка, в которой излагалась реакция заключенных страны на этот эпизод из речи Н. Хрущева. Вот лишь небольшие отрывки из той записки: «Выступление на III съезде писателей товарища Хрущева Н.С., и особенно в той части речи, где он говорил о приеме на личную беседу бывшего вора, привлекло исключительное внимание заключенных, содержащихся в местах заключения МВД РСФСР.

Подавляющее большинство заключенных положительно высказываются об этом выступлении, заявляя о том, что их судьба не потеряна, о них все больше проявляют заботу руководители партии и правительства.

Так, заключенный Ш., содержащийся в ИТК Свердловской области, говорил: «Действительно, жизнь в нашей стране в настоящее время изменилась, это видно из речей руководителей правительства. В настоящее время есть забота о тех лицах, которые раньше совершали преступления, их устраивают на работу, оказывают материальную помощь. Такой заботы нет ни в какой капиталистической стране...»

Заключенный П. (Кемеровская область) заявил: «Такого еще не было, чтобы руководители партии и правительства уделили внимание бывшему вору. А вот Н. С. Хрущев это сделал».

Заключенный Б., 1929 года рождения, осужденный к 3 годам ИТК, сказал: «Н. С. Хрущев верит нам, заключенным. Это не просто выступление, а указание, чтобы к нам, заключенным, после освобождения не относились так, как относились раньше. Теперь, после этого выступления, наверное, будет легче с пропиской, отразится и на новом кодексе, сроки будут давать меньше... Вот говорили, что Н. С. Хрущев жесткий представитель власти, а он нет, принял нашего брата и помог ему, это просто надо быть душевным человеком. Нет, что и говорить, а Хрущев все-таки голова, все он видит и везде успевает...»

В ИТК № 9 УМЗ Горьковской области заключенный П., 1935 года рождения, подлежащий условно-досрочному освобождению, ознакомившись с речью Н. С. Хрущева на съезде писателей, сказал: «Эта речь приведет к значительному уменьшению преступности. Я вырезал эту часть речи, где говорится о воре, и ношу ее на груди. Когда я освобожусь и поеду устраиваться на работу, она мне поможет...»

Однако наряду с положительными высказываниями имели место и отрицательные отклики.

Так, заключенные А., Ш. (Свердловская область) заявили: «Это сделано выборочно, специально для выступления. Это провокация, которая преследует цель изъятия воров и заточения их в места заключения. Кто-то клонет на эту провокацию, придут с повинной, вот их-то и задержат. Такие меры проводятся не впервые...»

Думается, последнее утверждение гораздо ближе к истине, чем все предыдущие. В той войне с преступностью, что велась властью в конце 50-х годов, отсутствовали всякие правила «хорошего тона». Воров в законе, к примеру, «валили» всеми возможными способами, мазали грязью так, что не было никакой возможности впоследствии отмыться. Администрация ИТУ выставляла воров в законе перед другими заключенными в самом неприглядном виде, обнародуя факты их отступничества когда-то, освещая неприглядные факты биографии.

В ответ «законники» сопротивлялись отчаянно. В 1957 году на сходке в Краснодаре воры в законе подвергли публичной казни двух отступников. Молва об этом случае облетела все зоны страны и на какое-то время способствовала сплочению «законников». Но даже несмотря на подобные акции, положение воров в законе тогда было отчаянным. Само время обрекло их на поражение.

Опьяненное свободой общество готово было преодолеть любые препятствия на пути к светлому будущему. Преступники, не вставшие на путь исправления, вызывали у людей лютую ненависть, и народ в одночасье поднялся на борьбу с ними. В ноябре 1958 года по инициативе ленинградских рабочих в стране возникли первые Добровольные народные дружины. К 1959 году уже было 84 тысячи таких дружин, насчитывающих в своих рядах более 2 миллионов человек. Это потом ДНД превратились в показушное мероприятие, за участие в котором людям приплюсовывали три лишних дня к отпуску, а тогда, в 50-х годах, это была реальная поддержка милиции в борьбе с уличной преступностью.

Однако одновременно с ростом ДНД партийное и государственное руководство страны целенаправленно сокращало численность сотрудников МВД. Еще 22 октября 1956 года министр внутренних дел РСФСР Н. Стаханов рапортовал ЦК КПСС о сокращении органов внутренних дел почти на 7 тысяч человек. А 10 октября 1958 года, накануне возникновения ДНД, МВД СССР предложило МВД РСФСР сократить свои ряды еще на 14 331 человека. Предложение было тут же принято к исполнению. В связи с этим милиция Ленинграда, к примеру, уменьшилась на 950 человек. Всего же за 1958 — 1959 годы из органов внутренних дел России были уволены 15 682 человека, что позволило государству сэкономить 163 миллиона рублей. Такое массовое сокращение сил правопорядка в стране диктовалось сверху, самим Н. Хрущевым, который уверенно вел советский народ к коммунизму. Поэтому, подстраиваясь под указующий перст главы государства, высокие начальники в МВД и в Министерстве обороны без всякого сожаления выкидывали с работы сотни тысяч человек. В своем отчете в ЦК КПСС в 1959 году руководство МВД СССР сообщало: «В результате повышения роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка количество возбужденных милицией уголовных дел по сравнению с 1958 годом сократилось на 26,4 %, а число лиц, привлеченных к уголовной ответственности, уменьшилось на 33,8 %».

По той же статистике, составленной в недрах МВД, в 1959 году по сравнению с 1958 годом количество преступлений в РСФСР уменьшилось на 27,1 %, а по наиболее опасным — на 24,5 %.

В 1958 году увидели свет «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», которые заменили собой действовавшие с 1924 года Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. Особенностью «Основ» 58-го года являлось сужение и смягчение ответственности за деяния, не представляющие большой опасности для общества и государства. Вместе с тем «Основы...» усиливали ответственность за некоторые наиболее тяжкие преступления. В частности, они предусматривали ужесточение наказания для рецидивистов и других опасных антиобщественных элементов.

В конце концов эйфория от скорого вхождения в коммунизм привела Н. Хрущева и его соратников к мысли об упразднении союзного МВД. Тогда казалось, что с остатками преступности в стране в скором времени будет покончено объединенными силами милиции и дружинников, а посему столь громоздкий аппарат, как МВД, с легким сердцем можно распустить. 13 января 1960 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об упразднении Министерства внутренних дел СССР». Ряд его служб и функций был передан МВД РСФСР и союзных республик.

Это решение высшего руководства явилось полной неожиданностью для министра Н. Дудорова, который на февраль 1960 года назначил Всесоюзное совещание работников органов МВД. Однако реакция министра на расформирование его ведомства наверху никого всерьез не интересовала. Что касается самого Н. Хрущева, то с тех пор, как Н. Дудоров стал предпринимать попытки дискредитировать председателя КГБ СССР Ивана Серова, свояка Хрущева, первый секретарь ЦК КПСС явно охладил к министру внутренних дел. 1 мая 1960 года МВД СССР прекратило свою деятельность. Министром МВД РСФСР по-прежнему оставался Н. Стаханов, Н. Дудоров 20 июля был назначен Генеральным правительственным комиссаром Всемирной выставки 1967 года в Москве. После этого москвичи сочинили байку: «Чем Дудоров отличается от Ивана Сусанина? Сусанин завел врагов в болото, где вместе с ними и погиб. А Дудоров завел в болото МВД, где оно погибло, а Дудоров получил новое назначение».

Между тем, несмотря на победные реляции эмвездэшных статистов, преступность в стране в период массового исхо-

да из правоохранительных органов десятков тысяч специалистов и не думала идти на снижение. Суды же, пытаясь шагнуть в ногу с либеральным временем, старались не заводить уголовных дел по многим преступлениям, ограничиваясь передачей провинившихся на поруки общественности. В результате этого в первом полугодии 1960 года по сравнению со вторым полугодием 1959 года количество наиболее опасных преступлений увеличилось на 22,9%. Немалую долю в них составляли изнасилования.

Встревоженное ростом преступности, руководство страны не нашло ничего лучшего, как обвинить во всем МВД России и лично министра Н. Стаханова. 4 августа 1960 года Бюро ЦК КПСС по РСФСР во главе с Н. Хрущевым приняло постановление «О состоянии борьбы с уголовной преступностью в РСФСР и политико-воспитательной работе в местах заключения». В нем отмечалось, что МВД РСФСР неудовлетворительно выполняет ранее принятые постановления по этим вопросам, в результате чего в борьбе с преступностью имеются значительные недостатки. По мнению Н. Хрущева, подобные бумажные постановления должны были буквально свернуть бандитов в бараний рог. Но, как и следовало ожидать, подобное бумаготворчество стало очередной насмешкой над действительностью. Преступность в стране продолжала расти. И тогда по инициативе все того же импульсивного Никиты Сергеевича Хрущева в Уголовный кодекс страны внесли существенные изменения и восстановили смертную казнь за некоторые виды преступления. К ним относились и изнасилования, и хозяйственные преступления. Более того, по инициативе Н. Хрущева смертная казнь была признана допустимой и в отношении несовершеннолетних. После этого решения в Ленинграде к расстрелу был приговорен 14-летний Нейланд, повинный в убийстве своих родителей.

НАЧАЛО ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Дела Я. Рокотова, Б. Ройфмана и др. Восстание в Муроме

В связи со значительной либерализацией экономической политики внутри страны в СССР в конце 50-х годов, как грибы после дождя стали появляться всевозможные частновладельческие предприятия, существующие под видом артелей и фабрик. Небывалый прилив энтузиазма обуял «цеховиков».

Надо сказать, что «цеховых» дел мастера обладали массой всевозможных талантов и способностей. В стране всеобщего учета и контроля заниматься левым производством было крайне неуютно и опасно, это требовало от «цеховиков» дополнительной сноровки и умения. Расстрелянного в 1952 году Николая Павленко сменили не менее талантливые и достойные ученики. Да это и понятно. Люди, не сумевшие найти себя на поприще партийной и государственной службы, но не желавшие жить хуже, пошли в хозяйственные структуры, и многие из них, не боявшиеся риска, попали в теневую экономику. Можно сказать, это были лучшие из лучших советских аферистов.

Отметим, что до 1956 года максимальная сумма хищений и взяток в стране составляла 20 тысяч рублей. Большого репрессивная система, созданная Сталиным, своим воротилам теневого бизнеса не позволяла. Н. Хрущев либерализовал систему, что не замедлило сказаться на теневой экономике: она начала постепенно расширяться и нагуливать жирок. В немалой степени этому процессу способствовал и развал МВД, учиненный в конце 50-х годов. Также сквозь пальцы смотрел на деяния «цеховиков» и КГБ, во главе которого в декабре 1958 года встал бывший комсомольский лидер всесоюзного масштаба Александр Шелепин.

Однако с начала 60-х годов, а точнее, в преддверии XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.), в практику правоохранительных органов была возвращена жесткая репрессивная политика по отношению к тем же «цеховикам», валютчикам и спекулянтам, в простонародье именуемым расхитителями социалистической собственности. По стране прокатились громкие судебные процессы над данной категорией преступников, завершившиеся расстрельными приговорами. Самым беспрецедентным убийством государством своих сограждан в хрущевское время по приговору суда явилось так называемое «дело

валютчиков», или дело Яна Рокотова и Владислава Файбишенко. Произошло это в середине 1961 года.

Ян Тимофеевич Рокотов родился в 1929 году в интеллигентной семье. Отец его был директором крупного ленинградского предприятия. Во время учебы в институте на юридическом факультете в конце 40-х годов Яна арестовали органы МГБ и, обвинив его в антисоветской деятельности, отправили на 8 лет в лагерь. Но хрущевская «оттепель» освободила молодого человека из заключения, и Рокотов переехал в Москву, где у него проживала тетя. Этот переезд стал роковым событием в жизни Рокотова. Летом 1957 года в Москве состоялся Всемирный фестиваль молодежи и студентов, во время которого Рокотов впервые стал свидетелем скупки валюты у иностранных туристов его товарищем по лагерной отсидке. С этого момента и он вполне сознательно выбрал для себя новое поле деятельности — стал валютчиком.

В те годы официальный курс доллара равнялся четырем рублям (учитывая старый масштаб цен, т. е. до обмена денег в 1961 г.). Затем в конце 50-х годов в стране ввели специальный туристский курс: 10 рублей за доллар. Но иностранцам, приезжавшим в СССР, все равно было выгоднее иметь дело с такими, как Рокотов, они платили за «бакс» по 20 — 25 рублей. Помимо них, Рокотов имел дело с «восточными иностранцами», которые продавали за доллары и рубли золотые монеты царской России. По ценам швейцарского банка такой рубль стоил 9 долларов, а Рокотов покупал их за 20. Затем он тут же продавал их в Москве за полторы тысячи рублей за одну монету. С помощью подобной активной деятельности на валютном рынке Ян Рокотов по кличке Косой стал одной из самых заметных фигур в валютном бизнесе Москвы. За один вечер подобной «работы» он умудрялся зарабатывать по 50 тысяч рублей. Черный рынок валюты в Москве работал на полных оборотах, и в преддверии денежной реформы население активно вкладывало свои деньги в недевальвируемое золото и драгоценности.

Свидетель тех событий И. Фильштинский позднее вспоминал: «По доходившим до меня слухам, Ян сумел войти в контакт с каким-то западногерманским банком. Внося в этот банк марки, приезжавшие в СССР иностранцы получали от Яна советские деньги по выгодному курсу, и, напротив, выезжавшие за границу советские люди, выдав Яну советские деньги, получали за границей соответствующую сумму в валюте. Одна моя бывшая солагерница шепотом рассказывала мне, что обороты Яна достигли многих десятков тысяч рублей. Ходили слухи

о его легендарном богатстве, каких-то немислимых кутежах в московских и ленинградских ресторанах и о любовницах из полууголовного и артистического миров.

Валютные комбинации Яна были столь умело продуманы и настолько эффектны, что ходили слухи, будто в Западной Германии ему была присуждена премия за лучшую финансовую сделку последних десятилетий, а один из городов сделал его своим почетным гражданином. Если это даже легенда, то она сама по себе свидетельствует о той дани уважения, которое его финансовые способности вызвали в деловых кругах.

Самое любопытное, что вопреки слухам Ян не производил в это время впечатление преуспевающего дельца. Я трижды случайно встречал Яна на улице, и он всегда казался мне скромным и небогатым человеком...»

Между тем безнаказанная деятельность Рокотова длилась ровно до тех пор, пока власть не объявила очередную войну преступности. Летом 1960 года вышел указ, в соответствии с которым КГБ передавались дела о нарушении правил валютных операций, контрабанде, хищениях государственной собственности в особо крупных размерах. Но даже после появления этого указа длинные руки КГБ добрались до Рокотова лишь в мае 1961 года, когда комитет провел широкие аресты в среде московских валютчиков. Столь удивительную неуловимость Рокотова вполне можно объяснить, если принять в расчет тот факт, что он был негласным агентом МВД и состоял в приятельских отношениях с самим начальником валютного отдела Петровки, 38. Начальник в звании майора имел неплохой навар с Рокотова, за его счет посещал московские рестораны и отдыхал на курортах. И лишь в мае 1961 года эта «дружба» закончилась, причем майор, почувствовав, что запахло жареным, сдал своего агента КГБ. Рокотова арестовали на Ленинградском вокзале, возле камеры хранения, где хранились его миллионы: 440 золотых монет, золотые слитки весом в 12 килограммов, валюта (всего на 2,5 миллиона). 19 мая все центральные газеты поместили информацию из КГБ СССР и союзной Прокуратуры об аресте группы валютчиков. Вместе с Рокотовым были арестованы: 23-летний Владислав Файбишенко, искусствовед Надежда Эдлис и ее муж музыкант Сергей Попов, ученый Иустин Лагун, москвичка Мушибиря Ризванова и три брата Паписмедовы из Тбилиси. Согласно обвинительному заключению, Рокотов и Файбишенко скупали валюту у мелких фарцовщиков и золото у иностранцев из арабских стран, Эдлис, Попов и Лагун сбывали это через перекупщиков Ризванову и Паписмедовых. В результате через их руки про-

шло иностранной валюты и золотых монет в общей сложности на 20 миллионов рублей.

К этому делу было приковано самое пристальное внимание со стороны руководства союзного КГБ, с каждым из арестованных лично повидался председатель КГБ СССР Александр Шелепин.

Огромный резонанс в обществе вызвал и суд над валютчиками, который состоялся в июне 1961 года в здании Мосгорсуда, что на Каланчевке. «Комсомольская правда» и «Известия» напечатали на своих страницах обличительные статьи с убийственными названиями: «Стервятники», «Стервятники держат ответ». Эпитеты типа «мерзостное отвратительное впечатление», «мерзкие подонки» и т. д. обильно усыпали эти статьи. Тот же И. Фильштинский по этому поводу вспоминал: «Появление в газетах фельетонов о Яне было для меня полной неожиданностью. В них Ян рисовался как некая «демоническая» личность, крупный валютчик и спекулянт и даже неотразимый Дон Жуан, совратитель многих женщин, вроде Синей Бороды. Все это как-то сильно не вязалось с его обликом. Ходили слухи, что он стал жертвой какой-то интриги в борьбе различных отделов специальных служб, работники одного из которых, занимавшиеся расследованием крупных валютных спекуляций, пытались сделать карьеру на этом деле и умышленно раздували его масштабы. Так это или не так, не знаю, но Ян, несомненно, оказался жертвой какой-то закулисной игры».

Однако, несмотря на всю истерию, поднятую газетами вокруг этого дела, подсудимые держали себя в зале суда довольно раскованно, не чувствуя за собой слишком большой вины. Они пока не догадывались, какую директиву относительно их судьбы в скором времени спустят сверху кремлевские руководители. А пока Ян Рокотов вел себя вполне разумно, не отрицая в целом своей вины, но и не паникуя, уповая в душе на то, что суд будет к нему снисходителен и учтет его пятилетнюю отсидку в сталинских лагерях. Владислав Файбишенко вообще ничего страшного в этом процессе для себя не усматривал, молодость брала свое, и он на протяжении всего заседания вел себя вызывающе, дерзил прокурору и оскорблял свидетелей. Все подсудимые прекрасно знали: в период совершения ими преступления действовал закон, по которому им полагалось всего три года лишения свободы с конфискацией имущества. И даже появление 5 мая 1961 года Указа Президиума Верховного Совета СССР о борьбе с расхитителями социалистической собственности и нарушителями правил о валютных операциях, по которому им могли «влепить» 15 лет тюрьмы,

не насторожило их настолько, чтобы они испугались. И лишь когда суд приговорил их к этим 15 годам, подсудимые наконец осознали, кем они должны были стать для разъяренной в тот момент системы. Но даже тогда им, уstraшенным объявленным приговором, не могло прийти в голову, что это еще не последний ужас в их такой короткой жизни.

Со 2 по 5 июня 1961 года Н. Хрущев находился в Вене, где встречался с президентом США Дж. Кеннеди. И вот во время одного из разговоров с журналистами Хрущев принялся гневно обличать господ капиталистов, тыча им в нос убийственные, на его взгляд, факты возмутительных порядков, царящих на Западе. В ответ он услышал, что, оказывается, коммунистическая Москва отнюдь не лучше капиталистического Западного Берлина и, к примеру, черный валютный рынок Москвы чуть ли не Мекка спекуляции в Европе. Хрущев был явно ошарашен такой информацией. По приезду в Москву он вызвал к себе Председателя КГБ Александра Шелепина и поинтересовался, правду ли ему сказали капиталисты. Шелепин в ответ развел руками и доложил: органы КГБ делают все от них зависящее, чтобы прикрыть это грязное гнездо спекуляции в Москве. «Вот на днях будут судить большую группу валютчиков», — сообщил Шелепин Хрущеву в свое оправдание. И с этого момента Хрущев стал лично следить за развитием событий в Мосгорсуде. Когда же узнал, что валютчикам дали всего лишь по 15 лет, он несказанно возмутился и сам взялся за восстановление справедливости. Тут же председатель Мосгорсуда Л. Громков был снят со своей должности. А 6 июля в свет вышел еще один Указ Президиума Верховного Совета СССР по данной категории преступлений, по которому к подсудимым могла применяться высшая мера наказания — расстрел. Прошло еще немного времени, и 21 июля того же года газета «Правда» сообщила: «Генеральным прокурором СССР был внесен в Верховный суд РСФСР кассационный протест на мягкость приговора Московского городского суда по делу Рокотова и др. Учитывая, что Рокотов и Файбишенко совершили тяжелое уголовное преступление, Верховный суд РСФСР на основании части второй статьи 15-1 Закона о государственных преступлениях приговорил Рокотова и Файбишенко к смертной казни — расстрелу с конфискацией всех изъятых ценностей и имущества».

Через несколько дней после этого в Пугачевской башне Бутырской тюрьмы приговор был приведен в исполнение.

Это беспрецедентное в советской уголовной практике дело послужило сигналом к новой волне, теперь уже не сталинско-

го, а хрущевского террора в стране. Уголовные дела на расхитителей социалистической собственности пеклись тогда как блины, людей расстреливали не десятками, а сотнями.

На текстильной фабрике № 11 в Перове в Москве была разоблачена органами КГБ преступная группа из 25 человек во главе с Борисом Ройфманом, которая занималась выпуском левой продукции. Ройфман отличился тем, что одним из первых в стране стал использовать сеть лечебных учреждений, называемых психоневрологическими диспансерами, в целях выпуска товаров массового потребления. Данные лечебные учреждения получали от местных исполнительных органов власти определенные денежные суммы на организацию в своих отделах трудотерапии. На эти деньги приобреталось оборудование, которое потом в основном не использовалось и ржавело на складах. Вот тогда-то на горизонте и объявился Ройфман, который предложил руководителям диспансеров наладить в их мастерских выпуск нужного людям трикотажа. Медики с удовольствием согласились запустить свое оборудование и использовать в работе своих больных, тем более что они обходились им задешево.

Выпущенный вскоре трикотаж начали продавать в небольших палатках на рынках и вокзалах. И что самое удивительное, пользовался он куда большим спросом у покупателей, чем те же изделия, но выпущенные на государственных фабриках. Вот и работали они не покладая рук, обеспечивая народ модным трикотажем, а себя — звонкой монетой. В Краснопресненском психоневрологическом диспансере работали 58 высокопроизводительных трикотажных машин, и больные там трудились в несколько смен. Сырье поступало регулярно (шерсть, например, привозили из Нальчика), и сбыт продукции был хорошо организован. Руководитель этого производства Шая Шакерман (кстати, приходившийся племянником знаменитому одесскому налетчику Мишке Япончику, убитому еще в гражданскую) заработал на этом деле несколько миллионов рублей.

Однако рано или поздно деятельность подобных миллионеров должна была быть пресечена. Что и случилось с тем же Шакерманом и его сообщниками, у которых чекисты изъяли около 100 килограммов золота и золотых монет, 262,5 карата бриллиантов и другие ценности на сумму два с половиной миллиона рублей.

Что касается Бориса Ройфмана, то он после ареста чисто-сердечно признался во всем и рассказал, как по доброте своей был втянут в частнопредпринимательскую деятельность.

По его словам выходило, будто, являясь весьма талантливым специалистом в кустарной промышленности, он поддался на уговоры своих коллег создать при диспансере левое производство. Мол, ему за это было клятвенно обещано лучшее оборудование и фондовые товары. На самом же деле ничего подобного он не дождался, зато затратил огромные суммы денег на подкуп тех же чиновников в госучреждениях.

В ответ на чистосердечные признания Ройфмана КГБ обещал сохранить ему жизнь, учитывая, что был он фронтовиком и на свободе у него остались двое малолетних детей, один из которых был психически неполноценен. По работе Ройфман характеризовался весьма положительно, его коллеги отзывались о нем как о порядочном и честном человеке. Однако суд, исполняя директиву об ужесточении наказания за подобные преступления, приговорил Ройфмана и еще нескольких обвиняемых к расстрелу. КГБ пытался было заступиться за несчастного, но Хрущев, лично курировавший это дело, грозным окриком: «Одним жидом будет меньше!» — поставил точку в этом деле.

Отметим, что всего с ноября 1962 по июль 1963 года (то есть за 9 месяцев) в СССР прошло более 80 «хозяйственных» процессов и на них было вынесено 163 смертных приговора.

В то же время те, кто имел личные связи с сильными мира сего, за подобные же преступления отделялись легким испугом. Например, тогда же в Москве была разоблачена группа расхитителей, действовавшая под крышей крупнейшего универмага «Москва». Главным действующим лицом в ней была директор универмага Мария Коршилова, до этого долгое время возглавлявшая московский ЦУМ. Работа в таком солидном заведении, да еще в руководящей должности, позволила Коршиловой обзавестись весьма полезными знакомствами (она, в частности, дружила с секретарем ЦК КПСС Екатериной Фурцевой) и стать вскоре членом горкома КПСС. Находясь на должности директора «Москвы», Коршилова сумела добиться через Министерство торговли разрешения на открытие трикотажного цеха при универмаге. Начальником его она сделала своего давнего знакомого Александра Хейфеца. Вскоре после начала работы этого цеха на прилавки универмага легли первые тенниски, майки, женское и детское белье. Вся эта продукция моментально раскупалась, что позволяло Коршиловой иметь для себя солидный куш и платить своим рабочим гораздо больше, чем они смогли бы получать на государственных предприятиях такого типа. В результате за пять лет дея-

тельности цеха было похищено государственного имущества на 2,5 миллиона рублей.

Но когда афера вскрылась и все ее участники были арестованы, Мария Коршилова успешно избежала наказания, проходя по делу всего лишь как свидетель. Зато Александр Хейфец и его преемник на посту начальника цеха Юрий Евгеньев были по приговору суда расстреляны. А Мария Коршилова, оправившись от потрясения и побыв короткое время не у дел, вскоре вновь возглавила один из крупных магазинов Москвы.

Между тем усиление репрессивной политики в стране потребовало и смены руководящих кадров в силовых министерствах. Старые, по мнению кремлевского руководства, со своими обязанностями уже не справлялись. Во всяком случае, с руководителем МВД РСФСР Н. Стахановым так и получилось. В июле 1961 года он был снят со своего поста за неудовлетворительное руководство внутренними войсками МВД. Обвинение явно надуманное и высосанное из пальца, скрывающее за собой другие, более глубокие причины. В качестве одной из них можно назвать события в Муроме. 30 июня 1961 года в этом городе состоялись похороны мастера радиозавода, умершего, как полагали многие, от побоев, нанесенных ему милиционерами. Во время этих похорон рабочие в ответ на действия милиции, перегородившей движение процессии по улице Ленина, смяли милицейский кордон и пришли к зданию горотдела милиции, где устроили бурный митинг, на котором большинство ораторов выступили с обвинениями в адрес городской милиции, некоторые даже показывали следы от побоев, нанесенных им стражами порядка. После этого разгоряченная толпа пошла на штурм горотдела, захватила его, овладела оружием и освободила арестованных из КПЗ. Лишь к вечеру митингующие утомнились и постепенно разошлись по домам. Через некоторое время пришедшие в себя власти произвели аресты в среде самых активных зачинщиков беспорядков. Вскоре состоялся суд над шестью активистами, трое из них были приговорены к расстрелу.

Не меньших упреков мог заслуживать Н. Стаханов и за то, что моральное разложение проникло в ряды его подчиненных. И упоминавшийся на наших страницах начальник валютного отдела МУРа, водивший дружбу с Яном Рокотовым, был тогда не исключением. При расследовании дела Ройфмана Шакермана КГБ вскрыл более шокирующие вещи. Дело в том, что Шая Шакерман в юности являлся негласным агентом МВД. Затем, став преуспевающим бизнесменом, Шакерман начал расплачиваться с сотрудниками МУРа не ценными сведе-

ниями, а натурой. На площади Маяковского в скверике у Театра Моссовета он регулярно встречался с офицерами МВД и выплачивал им «зарплату» от 5 до 15 тысяч рублей каждому, в зависимости от звания и услуг, оказываемых ему милиционерами. Таким образом за несколько лет подобных выплат один из милиционеров заработал ни много ни мало — миллион рублей, другой — более 600 тысяч и т. д. Подобные факты перерождения сотрудников МВД не делали чести ни самому министерству, ни его министру.

В июле 1961 года кресло Н. Стаханова занимает 40-летний Вадим Тикунов, до этого 7 лет проработавший в Отделе административных органов ЦК КПСС (надзор за правоохранительной системой) и два года пробывший заместителем председателя КГБ СССР Александра Шелепина. Отметим, что последний через пять месяцев после ухода из комитета своего заместителя сам покинул Лубянку и переехал в здание ЦК на Старой площади, где возглавил Комитет партийного контроля. А на его место в КГБ в декабре 1961 года пришел еще один бывший комсомольский вожак — Владимир Семичастный.

Именно с появлением В. Тикунова на посту министра МВД российская милиция стала принимать тот внешний облик, какой во многом сохранился и до наших дней. По настоянию Тикунова в июле 1962 года на вооружении милиционеров появились резиновые дубинки и первые наручники. При нем в 1964 году правительство приняло решение о бесплатном проезде в городском и пригородном транспорте сотрудников внутренних дел по служебным удостоверениям. Тогда же МВД России предложило заменить синюю рубашку милиционеров на саржевую стального цвета.

В. Тикунову принадлежит также инициатива ежегодно отмечать День советской милиции. Первый такой праздник состоялся 10 ноября 1962 года, в день 45-летия советской милиции, и торжественное заседание осчастливил своим присутствием сам Н. Хрущев.

При В. Тикунове, влиятельной креатуре ЦК КПСС, возобновился широкий набор в органы милиции кадров из партийных и комсомольских рядов. К началу 1964 года в милиции оказалось 12 тысяч направленных из этих структур. При В. Тикунове в 1965 году были вновь воссозданы упраздненные в 1956 году политорганы в милиции. Таким образом, в отличие, скажем, от пропагандистской кампании 1956 года, когда власть также пыталась поднять престиж органов МВД в глазах народа, мероприятия начала 60-х пошли гораздо дальше в своем идеологическом развитии. И надо честно признать, это не замедлило

сказаться и на состоянии преступности в стране: рост ее был остановлен. На раскрытие особо опасных преступлений выделялись лучшие силы, и раскрываемость подобных преступлений тогда была достаточно высокой. И глядя теперь из нашего беспокойного 94-го в те далекие 60-е, поражаешься тому миру и спокойствию, что царили на улицах той же Москвы или Ленинграда. Когда, к примеру, в Москве в начале 60-х на пороге своей школы в Сивцевом Вражке убили ударом ножа десятиклассника, это всколыхнуло не только всю Москву, но дошло и до высших руководителей государства. Убийство среди бела дня было столь вызывающим и дерзким, что привлекло к себе огромное внимание.

Самым громким преступлением, без сомнения, стало дело о 26-летнем убийце Владимире Ионесяне, совершившем серию зверских убийств и ограблений в Москве и области в начале 60-х годов. В народе это дело получило название «Мосгаз».

«МОСГАЗ» И ПЕРВЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АКТЫ

*Дело «Мосгаз». Убийства в Свердловске.
Похищение «Святого Луки». Терракты 60-х*

Владимир Ионесян родился в Тбилиси в обычной семье и с малых лет был окружен особым вниманием. Родители, угадывая в нем артистический талант, сделали все возможное, чтобы их ребенок получил необходимое образование. Для этого сына освободили даже от службы в армии, только бы он достиг желаемых высот на оперной сцене. Между тем отец одаренного мальчика за торговые махинации был осужден на 7 лет тюрьмы. Ребенок остался без отцовского внимания. Связавшись с блатными товарищами, вскоре совершил неудачную кражу и был судим. Суд, учитывая его возраст, приговорил Ионесяна к пяти годам условно. К тому времени он уже был женат, и его жена Дея, стараясь уберечь супруга от дурного влияния, увезла Ионесяна в Оренбург. Там он взялся за ум и продолжил свою артистическую карьеру, поступив в Театр музыкальной комедии. Однако здесь он вскоре познакомился с артисткой кордебалета Алевтиной Дмитриевой и, сойдясь с ней, бросил жену с малолетним ребенком и уехал в Москву. Чтобы Дмитриева отправилась с ним, Ионесян наврал ей про 40 тысяч рублей, якобы хранившихся у него на сберкнижке в Москве.

Прибыв в Москву первым, Ионесян познакомился с пенсионеркой Акилиной Коренковой и снял у нее комнату рядом с Рижским вокзалом. Появившуюся вскоре в квартире Дмитриеву он представил как свою молодую жену.

Тем временем обещания красивой жизни в столице требовали от Ионесяна активных действий. И, не обремененный никакими моральными устоями, Ионесян встал на путь преступлений.

20 декабря 1963 года в 12 часов дня он приехал на Балтийскую улицу, что в районе метро «Сокол», и, войдя в один из домов, начал проводить под видом работника Мосгаза профилактический осмотр газовых плит и духовок. Однако отнюдь не техническое состояние плит интересовало его: он высматривал удобную обстановку в квартирах москвичей для совершения преступления. И вот в одной из квартир он нашел то, что искал. Дверь ему открыл 12-летний мальчик и, выслушав версию о профилактическом осмотре, впустил Ионеся-

на в квартиру. Тот, обойдя ее и убедившись, что мальчик дома один, безжалостно убил подростка, нанеся ему множество ножевых ранений. После этого Ионесян открыл свою сумку и спокойно погрузил в нее детский шерстяной свитер, сатиновые шаровары, кожаный кошелек с узорным тиснением, положил в карман 60 рублей бумажными купюрами. И это было все, на что позарился преступник и за что лишил жизни 12-летнего ребенка. Вечером того же дня убитые горем родители вызвали на Балтийскую улицу милицию. Через несколько часов картина преступления была в целом восстановлена и в протоколе следствия впервые появилась личность молодого южанина в ушанке, немодно завязанной сзади (именно эта странно завязанная ушанка и навела муровцев на мысль, что убийца — не москвич).

На следующий день был составлен приблизительный фоторобот преступника, и с ним ознакомили весь личный состав столичной милиции. Это произошло 24 декабря. А 25 декабря Ионесян уехал из Москвы и прибыл в город Иваново. Здесь его кровавый маршрут пролегал по двум улицам: Калинина и Октябрьской. И вновь его версия о профилактическом осмотре действовала безотказно: люди безропотно открывали перед ним свои двери и впускали в дом. В трех квартирах обстановка для Ионесяна оказалась подходящей: в них были лишь мальчик-подросток, пенсионерка и ученица девятого класса. Двоих из них Ионесян безжалостно убил, а школьницу изнасиловал и нанес ей несколько ударов топором (к счастью, девочка выжила). И вновь, как и в первом случае, преступник довольствовался малым: из квартиры мальчика была похищена одежда, деньги, облигации, авторучки; у пенсионерки он взял фонарик за три рубля и кошелек с 70 копейками; у девушки — электробритву «Харьков», две авторучки, электрофонарик.

Как только весть о бесчеловечных убийствах в Иваново достигла Москвы и стало ясно, что убийца — один и тот же человек, этому делу был придан статус особо важного. Подобных зверств в столице и округе давно уже не случалось. В Управлении охраны общественного порядка Мосгорисполкома создается оперативный штаб по поимке преступника, в который вошли: полковник милиции Анатолий Волков, Кузьма Горбачев, майоры милиции Фридрих Светлов, Николай Муравьев и другие. Дело под свой личный контроль взял министр охраны общественного порядка (так с октября 1962 года именовалось МВД) Вадим Тикунев. Он, в свою очередь, чуть ли не ежедневно информировал о ходе расследования председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина. От последнего информация шла выше — в Президиум ЦК.

Статус особо важного дела позволил органам милиции привлечь к его раскрытию многих известных людей из числа ученых, художников, скульпторов. К примеру, заслуженный деятель искусств Казахской ССР Наум Карповский вместе с сотрудниками милиции поехал в Иваново и после продолжительных бесед с очевидцами нарисовал предположительный портрет убийцы. Известный скульптор, профессор Михаил Герасимов также после бесед с людьми, видевшими убийцу, воссоздал подробный портрет преступника. Эксперты научно-технического отдела УООП изготовили сотни этих портретов и распространили их среди сотрудников милиции. По этому портрету и описаниям убийца выглядел следующим образом: рост высокий, выше 172 сантиметров, худощавый, плечи средней ширины, шея короткая, лицо худощавое, удлинённое, овальной формы, нос длинный, узкий, кончик острый, глаза большие с открытыми веками, губы средней толщины, рот среднего размера. Из одежды, бывшей на преступнике, упоминались: длинное поношенное пальто свободного покроя, темные брюки, суконные ботинки черного цвета на резиновой подошве, ушанка из меха, похожего на пыжик.

Первоначально сыщики ухватились за версию о том, что преступник явно не в своем уме. И действительно, логика его поступков была мало похожа на деятельность нормального человека. Он мог в квартире, где совершал преступления, оставить многие ценные вещи, захватив с собой всякую мелочь вроде авторучек и электрических фонарей. Однако вскоре на основе анализа хитроумных действий убийцы сыщики пришли к выводу о том, что тот не так прост, как кажется. Он был достаточно предусмотрителен и осторожен для ненормального и к каждому преступлению тщательно готовился. Поэтому, чтобы перекрыть ему все возможные лазейки, столичная милиция была приведена в состояние повышенной готовности. Под усиленным наблюдением находились железнодорожные вокзалы, на улицах появились военные и милицейские патрули. Вся Москва наполнилась слухами о жестоком убийце из Мосгаза, однако средства массовой информации сохраняли грубое молчание по этому поводу. И лишь «вражеские голоса из-за бугра» доносили до людей крупицы правды.

Между тем, несмотря на активные поиски столичной и областной милиции, преступник по-прежнему гулял на свободе. В квартире изнасилованной девушки был найден тетрадный листок с записями фамилий жильцов дома, квартиры которых 25 декабря посетил убийца. Эксперты-криминалисты обнаружили на нем отпечаток пальца. После этого сотрудни-

ки угро исследовали несколько сот образцов почерков работников местного горгаза, но владельца такого почерка так и не нашли. Проверка по линии психически больных людей также результатов не дала.

Прошло еще три дня, и наступило 28 декабря 1963 года. Ионесян, все это время прятавшийся на квартире Коренковой, вновь вышел на «дело». И вновь его наглость и безнаказанность не знали границ. В том же Ленинградском районе, недалеко от места, где он убил 12-летнего подростка, он вновь обманом проник в одну из квартир и убил 11-летнего мальчика. Москва содрогнулась от еще одного зверства неуловимого маньяка, и кремлевские власти обрушили свой гнев на нерасторопных сыщиков. Следствие было активизировано, тысячи людей вовлечены в поиски преступника, но все безрезультатно. Ионесян вновь залег в свое лежбище у Рижского вокзала, пропивая и проедая кровавые деньги. Так длилось почти две недели.

Встретив Новый, 1964 год, Ионесян в начале января вновь вылез наружу. И снова, как и в прошлый раз, далеко от дома отходить не стал. 8 января недалеко от проспекта Мира он вошел в только что заселенный дом и, представившись представителем строительной организации, устраняющей неполадки в новом доме, проник в квартиру 46-летней женщины. Выяснив, что у женщины есть претензии к строителям, Ионесян посоветовал ей изложить свои жалобы в письменном виде. Та так и сделала. Сев за стол, она взяла чистый лист бумаги, ручку и вывела заголовок: «Заявление». Больше женщина написать ничего не успела: вытащив из сумки топор, Ионесян обрушил его на голову несчастной. После этого он забрал из квартиры 100 рублей, наручные часы «Мир» и телевизор «Старт-3». Этот старенький телевизор, в сущности, и поставит точку на затянувшемся кровавом пути 26-летнего убийцы.

Выйдя на улицу с завернутым в скатерть телевизором, Ионесян первым делом попытался поймать попутную машину. Ему это вскоре удалось: возле него остановился самосвал, водитель которого согласился подбросить Ионесяна до дома. Всю эту сцену случайно заметил участковый уполномоченный 58-го отделения милиции Евгений Малышев. Проводив отъезжающую машину взглядом, он запомнил две первые цифры номера машины: 96. А вечером, когда стало известно об убийстве 46-летней женщины и пропаже из ее квартиры телевизора, Малышев тут же сообразил, что его показания могут быть полезны сыщикам. И оказался прав. После его сообщения сотрудники ОРУД ГАИ «перетрясли» все самосвалы, зарегист-

рированные в ГАИ Москвы и области. Под утро была обнаружена машина МОЖ 96–26, водитель которой рассказал, что вчера, часов в двенадцать дня, он действительно подвозил молодого человека с ящиком в район Рижского вокзала, на перекресток Трифоновской и 3-й Мещанской улиц. Получив эти данные, сыщики смекнули, что с такой поклажей далеко идти преступник не мог, а значит, лежбище его где-то неподалеку от Рижского вокзала. Именно с такой мыслью заместитель начальника 19-го отделения милиции Николай Билюченко начал обход своей территории. И во время этого обхода одна из жительниц с улицы Щепкина рассказала ему, что у ее соседки Коренковой гостит племянница с мужем. И муж этот похож на кавказца. Более того, этот кавказец позавчера привез домой телевизор и вчера уже продал его жильцу из соседнего дома. Все эти сведения Билюченко тут же сообщил на Петровку, 38. Остальное было делом техники. Муровцы быстро узнали, что у Коренковой никакой племянницы нет и в помине, а комнату свою она сдает какой-то молодой женщине и мужчине. Взяв в оборот жильца из соседнего дома, который купил вчера у постояльца Коренковой телевизор, сыщики без труда установили: это тот самый «Старт-3», украденный из квартиры убитой. Как только это выяснилось, сыщики тут же нагрянули к Коренковой, однако молодых постояльцев в тот момент дома не оказалось. Зато в их комнате были найдены многие предметы из квартир убитых в Москве и Иванове людей. В десять часов вечера в квартиру вернулась Алевтина Дмитриева. Она была тут же арестована. Однако она рассказала, что Ионесян (теперь милиция точно знала его фамилию) проводил ее в тот день до Казанского вокзала и велел купить себе билет на 11 января до Казани (там жили ее родственники). После этого он простился с ней и уехал в неизвестном направлении. Больше она ничего существенного о судьбе своего друга сообщить не могла. И тогда за нее это сделали вещи Ионесяна. В них сотрудники МУРа обнаружили карту железных дорог страны и лист бумаги, на котором рукой Ионесяна были написаны названия городов: Иваново, Казань, Рязань, Ярославль, Оренбург. Так сыщики вышли на места возможного появления убийцы. Во все эти города были высланы сотрудники МУРа, местное руководство милиции заранее оповещено о возможном появлении у них опасного преступника.

Тем временем Ионесян, сутки просидев в укромном месте в Москве, выехал в Казань. Туда же, как и было оговорено заранее, выехала 11 января... сотрудница МУРа, загримированная под Дмитриеву. 12 января Ионесян приехал в Казань, ровно за